

АНДРЕЙ ПАНОВ

**АНТРОПОЛОГИЯ
ОБЩЕНИЯ
И ТВОРЧЕСТВА**

Андрей Юрьевич Панов

Антропология общения и творчества

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70295818
SelfPub; 2024*

Аннотация

В книге описывается человек как существо духовное и надмирное, как образ и подобие Божие, как личность, чьё подлинное существование возможно только в общении и творчестве. С различных сторон исследуется человек в свете его первозданности, опыта грехопадения и перспективы вечной жизни в преображённом мире. Идеи этой книги творчески развивают антропологические открытия Н.А. Бердяева. Предпринимается попытка построить целостную концепцию осмысления человека, сквозь призму которой рассматриваются вопросы тела, души, духа, любви, красоты, свободы, мышления, эмоций, памяти, совести, ценностей, деятельности, созерцания и других явлений в существовании человека. Книга адресована широкому кругу читателей.

Содержание

Предисловие	5
Плоть и дух	14
Троичность Бога и человека	26
Множественность человека	34
Любовь	38
Общение и творчество	48
Творчество и свобода. Дары Духа	57
Созерцательное и деятельное начала	66
Память, сознание, мышление и эмоции	73
Мышление и эмоции, логос и дух	81
Энергии	98
Красота	106
Добро, закон	110
Ценности и совесть	116
Порядок и хаос (аполлоническое и дионисийское начало)	122
Человек как микрокосм	131

Андрей Панов
Антропология
общения и творчества

*Подлинная человечность есть богоподобное,
божественное в человеке.*

Н. Бердяев.

Предисловие

Человек содержит в себе всё. Загадка человека – это и загадка всего мира, и загадка Бога. Фейербах утверждал, что Бог является отчуждением от человека его собственной высоты. И он был прав в том, что человек находит Бога внутри себя самого. В мире же человек Бога не находит, в нём он находит лишь чуждую и враждебную среду, которая лишь немного времени может представляться прекрасной, а в конце концов всегда оборачивается страданиями и смертью. Из этого человек сделал как минимум два основных вывода. С одной стороны, человек – это только часть физического мира, биологическая и энергетическая машина, на короткое время обладающая сознанием и ограниченной свободой воли. С другой стороны, человек – это творение Бога, но творение падшее и скверное, призванное только пассивно исполнять волю Бога, чтобы всё стало хотя бы немного лучше. Эти две ступени человеческого самосознания и самопонимания, вместе с их различными вариациями и нюансами, имели и до сих пор имеют фундаментальное значение. Христианство же ознаменовало принципиально новое понимание человека, хотя это понимание было затемнено, не вполне очевидно, не вполне выражено и уж тем более не очень популярно. В христианстве человек поставлен наравне с Богом, Который как бы выходит из тени и открывается в своей таинствен-

ной внутренней жизни. Под давлением мировой и социальной необходимости, из-за исторической и культурной инерции, из-за разорванности мышления и языка христианское откровение о человеке не было целостным образом продумано и выражено, не все соответствующие выводы были сделаны. Ещё вернее было бы сказать, что познание христианского откровения о человеке не есть познание некоей "объективной" реальности, а есть интуитивное, духовное и творческое проникновение в самую тайну жизни человека. Попытку такого проникновения и представляет собой эта книга.

Необычайно важна для понимания человека, как и для понимания всего в мире, идея объективации¹, развитая Н.А. Бердяевым. Для меня эта идея является одной из центральных, своеобразным ключом для более глубокого понимания разного рода явлений. Бердяев чрезвычайно много важного и ценного понял и разъяснил о человеке, о Боге, о мире. Его поиск Истины – это героический подвиг, и в своём познании он не останавливался там, где чаще всего люди останавливались. Это стало возможным благодаря тому, что он воспринял познание Истины как творческий, духовный, необъективированный процесс. И благодаря этому же познание может продолжаться. Бердяев в своих текстах склонен был в чём-то

¹ С идеей объективации прямо связана и идея творчества, и идея свободы, которые также центральны для Бердяева. Вообще, отделить эти идеи друг от друга невозможно, они внутренним образом взаимосвязаны.

часто повторяются, некоторые свои отдельные мысли и выводы он не сводил воедино, и отсутствие системности в его мысли – это общеизвестный факт. Самое же главное, по моему мнению, что есть места, где Бердяев не делал всех возможных выводов или же не связывал их воедино, хотя, может быть, и подразумевал эту связь. Его открытия говорят о большем, чем, может быть, он сам мог себе представить или выразить. Его объяснение объективации сродни открытию Кантом различения "вещей в себе" и "явлений". И как и в случае с Кантом, у последователей Бердяева может появиться соблазн так или иначе преодолеть его дуализм, разрыв между "Царством Духа" и "царством кесаря", как бы окончательно примирившись с трагизмом объективации. Со своей стороны я старался ни в чём не поддаваться этому соблазну, и хочу отдельно подчеркнуть, что старался уходить как и от чрезмерного оптимизма, так и от излишнего пессимизма относительно объективации. В этом, надеюсь, я не погрешил против мысли Бердяева, который всегда очень чутко и парадоксально оценивал объективацию.

Можно сказать, эта книга основывается на Бердяеве и творчески продолжает его идеи. Есть большие перспективы продолжать его там, где он остановился. Конечно, связь с Бердяевым прежде всего касается способа мышления и языка. Сама же суть написанного, как и у Бердяева, восходит не к чьим-то идеям, а к самому христианскому откровению, к

личному духовному опыту и познанию, как и к личному приобщению опыту человечества. Эта книга – результат творческого размышления по существу, осуществляемого здесь и сейчас. Я не хотел пересказывать чьи-то идеи, делать большое количество сторонних отсылок. Часто я не знал даже приблизительно, что именно будет написано в той или иной главе, и написанное было открытием для меня самого. Так я хотел сохранить то, что можно было бы назвать первородностью самого познавательного процесса, который есть всегда творческий процесс, и старался избегать всякого рода объективаций и внешних внушений, которые подстерегают мышление и могут исказить его. Написанное в результате получилось достаточно кратко, но включило всё самое важное, основное, существенное. Каждую из глав можно было бы разъяснять и расширять почти неограниченно долго, особенно если давать многочисленные отсылки на священное Писание, на литературу и т.п., но этим бы размывалась искомая целостность и конкретность самого существа мысли. Меньше всего мне хотелось размышлять о мыслях, а не о реальностях. Само же размышление находилось между двумя полюсами – необходимостью разъяснить для себя и для потенциального читателя. Понятное и ясное для меня требует разъяснения для другого, и глубина, и степень этого разъяснения может быть как недостаточной, так и чрезмерной. Во всяком случае, хотелось бы, чтобы как написание этой книги остерегалось объективации, так же и чтение её будет остере-

регатся объективации, будет творческим, опытным процессом вхождения в глубину той живой тайны, о которой идёт речь. Но стоит иметь в виду, что относительная краткость написанного нередко приводит к тому, что опущение даже одного слова может исказить общий смысл. Я старался, чтобы моя мысль была насколько возможно целостной, но при этом остерегался системности, которая всегда связана с излишней объективацией. Человека нельзя представить как машину, состоящую из каких-то частей, и нельзя просто перечислять составляющие его элементы, даже если это элементы так или иначе духовные, которые выделяются для того, чтобы их отдельно совершенствовать. Никакой прагматизм не должен заслонять Истины. Наши понятия о человеке, безусловно, имеют в виду определённые реальности, но эти понятия есть лишь условные символы, описывающие целостный человеческий опыт, и всё в человеке и в мире друг с другом связано. Потеря целостности человека в результате его анализа может дорого стоить. Есть правда апофатической антропологии: по существу, в человеке нет ни тела, ни души, ни духа, ни сознания, не совести, ни ума как отдельных "объектов". Существует только сам человек как монада, как свобода, как "Я", и он переживает определённый опыт, который может символически выражать в понятиях². Насколько

² Поэтому на глубине существования человек и к себе может отнести то, что называется "именем Божиим", которое, в сущности, именем не является: "Я тот, кто Я есть" (Исх 3:14).

возможно, я старался сохранить эту целостность опыта, но для этого мне приходилось опираться на ряд важнейших понятий, прежде всего на понятия "общения" и "творчества". При описании человека я стремился не описывать его, опять же, как машину, состоящую из элементов, а повествовать о нём динамически как об опыте. Поэтому для меня центральны не статически-объектные понятия "духа", "души" и "тела", а динамические понятия "общения", "творчества", "сознания", "красоты", то есть всего того, что человек опытно переживает в динамике. В связи с этим к самому повествованию книги следует относиться не как к "научному" труду, а больше как к художественному произведению, скорее как к картине, чем как к "инструкции".

Человек познаётся в динамике и в антиномиях, он проходит через противоречия, и его существование драматично. Поэтому невозможно мыслить о человеке статически-онтологически, как о данности и даже как о природе. Человек проходит через опыт как минимум трёх эонов, трёх модусов существования: райского мира, падшего мира и преображённого мира. Лишь условно здесь говорится о "мире" как о внешних условиях существования, в действительности же имеется в виду стадии внутреннего экзистенциального опыта, через которые проходит человек, которые отражают его отношения с Богом и с самим собой, диалектику общения и творчества в нём самом. "Мир" – это только отражение

внутреннего состояния человека, а вернее, качества отношений его с Богом. Человек проходит через первозданное состояние, через падшее состояние и через преображённое состояние. Говоря о человеке, я всегда стремился увидеть его в перспективе этого трёхчастного экзистенциального опыта, стараясь не потерять целостности. Иначе понять человека по существу невозможно. Особенно важно было уделить внимание преображённому состоянию человека, опыту Царства Небесного. Об этом говорить сложнее всего, потому и говорят об этом совсем не часто. Хуже того, большинство христиан даже не проявляют к этому интереса, как будто забыв заповедь Христа: "ищите прежде Царства Небесного и правды Его"³. Часто мыслят о Царстве Небесном как о возвращении в райское состояние, причём грехопадение толкуется нередко только как непослушание и осквернение грехами, что нужно преодолеть послушанием и очищением. Таким образом, сознание может целиком определяться и быть обусловленным падшим миром и его злом, пусть даже и отрицательно, а не светом открывшегося Царства Небесного. Между тем как всё следовало бы рассматривать в перспективе Царства Небесного и его правды. Здесь невозможно ограничиваться только лишь некоторыми общими абстрактными словами и снимать все многочисленные вопросы рассуждениями о тайне и непостижимости, как бы забывая истину о том, что Царство Небесное уже открылось человеку, уже "по-

³ Мф 6:33.

среди", "внутри"⁴. Нельзя определять преображённый мир Небесного Царства только лишь как неизвестную неопределённость или только лишь как очищенный от греха и зла падший мир без собственного особого, вечного содержания. Трудность заключается в том, что ничто в Царстве Небесном нельзя определить объективированно, ни о чём нельзя составить "надёжного" знания, и для него невозможно найти никаких твёрдых критериев, но это говорит только о том, что здесь актуален только духовный опыт веры и уместны только духовные критерии, составляющие реальность самого духовного, небесного мира. Нет сомнений, что Царство Небесное выше и больше всякого нашего наличного опыта, всяких наших понятий и определений, но мы не совсем оторваны и не совсем изолированы от него, а значит, мы можем постигать его собственное содержание и его собственный вечный смысл, "как бы сквозь тусклое стекло, гадательно"⁵. Более того, всё в падшем, эмпирическом мире стоило бы видеть, оценивать и судить в перспективе Царства Небесного, в перспективе вечности, и только так можно что-либо понять. Если мы совсем не можем судить о чём-либо в перспективе Царства Небесного, значит мы этого совсем ещё не понимаем по существу. Вечный смысл, глубинная истина и подлинное содержание всего открывается в реальности Небесного Царства. К этому устремляется всё в этой книге, и она

⁴ Лк 17:21.

⁵ 1 Кор 13:12.

целиком написана в перспективе Царства Небесного или, во всяком случае, проникнута глубочайшим интересом к нему. Можно даже сказать, что эта книга посвящена эсхатологической антропологии.

Плоть и дух

Для традиционной христианской антропологии фундаментально различие в человеке духа и плоти. Это, можно сказать, вопиющий факт человеческого существования, которые обнаруживается сразу, бросается в глаза невооружённым взглядом. На самом простейшем уровне это означает обнаружение в человеке разницы между "внутренним" (душой или духом) и "внешним" (телом), невидимым и видимым. Но такая дихотомия, хотя и обнаруживает очевидный факт, есть лишь первая ступень познания, и её онтологическое утверждение может быть наивным, слишком большим упрощением. Всегда был большой соблазн признать за "внутренним" и "невидимым" доброе начало, а за "внешним" и видимым – злое или, во всяком случае, недоброе начало. Такое наивное понимание часто опровергалось, особенно в последние столетия⁶, хотя оно всё же крепко сидит в сознании многих людей до сих пор, пусть и со своими нюансами и различиями. Уже в Писании много говорится о "злых духах" и о "святой плоти". Но так или иначе, с теми или иными нравственными оценками, всё же оставалось доминирующим противопоставление души и тела, как внутреннего и внешнего. Большим прозрением апостола Павла было, хотя

⁶ Особенно чувствительна к этой теме была русская религиозная философия.

и непостоянное в его текстах, различие души и духа. Не всё, что относится к внутреннему миру человека, есть его дух, то есть родственное Богу, вечное начало. Наоборот, существенная часть этого внутреннего мира скорее тяготеет к телу и является, в известном смысле, его отражением. Психическая, эмоциональная и интеллектуальная жизнь человека чрезвычайно связана с его телом, и это не есть ещё сама по себе жизнь духа. Это особенно хорошо показали позитивные науки о человеке. Смещение духовного и душевного, т.е. как бы двух составляющих "внутреннего", "невидимого" в человеке – это большой соблазн и большая ошибка. В понимании этого и состоит очищающая правда трихотомического понимания человека.

Но не зря и апостол Павел прибегал к трихотомии только в некоторых местах своих текстов и делал это инструментально, исходя из потребностей контекста. Трихотомическое понимание человека можно воспринимать как инструментальное очищение и уточнение дихотомического понимания. Ведь душа человека, которую, как оказалось, нельзя смешивать с духом, экзистенциально очень сильно, как было показано, тяготеет к телу, причём до такой степени, что можно говорить о единстве тела и души как о двух сторонах одного явления. По существу есть плоть, которая включает в себя тело и душу. В падшем мире плоть материальна, и это ее основная характеристика. Тело материально са-

мо по себе, а душа так или иначе производна от материи, т.е. от тела, и самым теснейшим связано с ней. Дух же родственен Духу Божьему, и это и есть то самое "дыхание", которое вдунул Господь в человека, сделав его существом духовным. Дух предполагает несотворённую свободу. В человеке протекают борьба между духом и плотью. Гностики, вслед за античными философами, справедливо говорили о том, что виной множественных страданий человека является плоть, а значит материя. Но это лишь половина правды. Справедливо так же и то, что плоть и материя не являются злом и источниками зла сами по себе. Проблема в том, что экзистенциальный центр человека, его "сердце" перемещается из пространства духа в пространство плоти. Низшее занимает положение высшего. Подчиненное и производное становится довлеющим. Полбеда, если бы только восторжествовала плоть в человеке. Тогда человек просто бы стал подобен животному, обезьяне, в конце концов. Но дух в человеке в известной мере неистребим, и дух оказывается подчиненным плоти, и именно поэтому человек становится страдающим монстром, самым смертоносным и страшным существом. Дух бесконечен и абсолютен, дух как бы укоренен в бездне по всем направлениям. Отсюда существование "злых духов", о которых так много говорится в Евангелии. Но задача христианства не в отказе от плоти, а в одухотворении и преображении плоти, то есть души и тела. Плоть сотворена, и это своего рода печать тварности человеческого существа.

Но плоть есть источник и условие цельности человека, естьместилище его экзистенциального центра. Только Бог есть "всё во всем", дух же человеческий укоренен в плоти. Выделение же "души" из понятия "плоти" мало о чем говорит по существу. Отношение души к духу примерно такое же, как отношение тела к духу. Кардинальное различие, своего рода пропасть, пролегает именно между душой и телом, с одной стороны, и духом, с другой.

Тем не менее, плоть (тело и душу) и дух человека нельзя понимать слишком иерархически, нельзя их слишком разделять и противопоставлять, наоборот – в динамике жизни нужно стремиться к тому, чтобы дух и плоть были едины, чтобы уменьшалась пропасть между ними. Их окончательная целостность есть победа Царства Небесного. И в падшем мире дух действует через плоть, и Боговоплощение в том состоит, что Сам Бог принимает плоть. Нет статической иерархии духа и плоти, но есть их динамическая, экзистенциальная иерархия. Дух как свобода и творческий акт всегда первичнее плоти как воплощения. Даже самая преображённая плоть в известном смысле вторична. Конечно, может быть нечистый дух и святая плоть, из-за чего мы можем говорить о том, что плоть может быть и выше духа, но это можно констатировать лишь внешне, для падшей реальности, в отрыве от целостного человека. Но если мы будем сравнивать преображенную плоть и святой дух, или даже если будем только

говорить о преображенной плоти, мы будем понимать, что плоть может быть святой и преображенной только тогда, когда над ней и во главе её стоит и святой и преображенный дух человека. Между плотью и духом всегда выстраивается иерархическое отношение. И всё, в конечном счёте, определяется духом человека, в котором скрывается несотворённая свобода – даже направленность ко злу и греху, даже отказ от свободы и рабство у плоти. Если дух подчиняется плоти, то он охлаждается, иссушается и падает, но если плоть подчинена духу, направленному в высоту, то она возвышается. Нечистая плоть является следствием нечистого духа. Но нечистый дух не является следствием нечистой плоти ("ведь изнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы"⁷). Дух в известной мере автономен. И весь вопрос в том, куда и как направлен дух. Если он обращается к Богу, то стремится к единству с Духом Божиим, и, укоренившись в нём, освящает и преображает плоть. Но есть различные степени единства духа человеческого и Духа Божьего – и здесь заключена тайна. Если же дух обращается к плоти, или так или иначе против Бога, то он становится нечистым, демоническим. Наконец, дух может и вовсе "засыпать", как бы отключаться, и тогда человек может переходить к более-менее животному существованию. Это часто и происходит. С одной стороны, дух неистребим в человеке, но с другой, дух в мире сем склонен ко "сну", к угашению. Любая нереализация духовных по-

⁷ Мк 7:21.

тенций, отсутствие воплощения духа, отстранённость его от жизни есть "сон" духа, который может оказаться и смертью духа. Поэтому, говоря о духе, мы можем выделить в нем как бы две базовые характеристики: во-первых, это направленность духа, а во-вторых, это сила духа. Плоть же в известном смысле инертна, зависит от духа. Она может главенствовать, но только тогда, когда дух это позволит. Слабость духа также способствует главенству плоти. Но всякое главенство плоти – это всегда болезненная ситуация.

Плоть есть "вместилище", "дом" для духа. Только Дух Божий пребывает везде и всегда, Он ничем не ограничен, Дух Божий есть сама Свобода. Дух же человеческий есть сотворенный дух⁸, а потому он ограничен плотью. Именно дух человеческий сотворен по образу и подобию Божьему, но не плоть. Плоть есть печать сотворенности. Но в таком случае возникает вопрос об ангелах и прочих бесплотных силах. С одной стороны, согласно традиционному пониманию, это сотворенные духовные существа, лишённые плоти. С другой стороны, их нельзя назвать личностями, они не обладают той мерой свободы, которой обладает человек, и человек потенциально выше их. Бесплотные силы – это всегда только посредники, это своего рода сотворенные энергии. Они не

⁸ Тварность человеческого духа нужно было бы утверждать с оговорками, но в данном контексте такого утверждения достаточно. Эта тема будет больше раскрыта в следующей главе.

имеют личностного существования, и человек может лишь условно описывать их как неких живых существ, поэтому они так часто похожи не только на людей, но и на животных. Ангел – это условное название для всего того сотворенного, что становится посредником между Богом и человеком. Бог дает некий духовный импульс, и этот импульс принимает сотворенные формы и образы для того, чтобы человек мог это воспринять. Для человека это становится "вестником" Божиим. По мере приближения к Богу бесплотные силы представляются все более странными и даже страшными (многокрылые существа, колёса с глазами) – все это свидетельствует о недоступности, непостижимости Бога. По мере приближению к Богу начинает как бы ломаться тот образный язык, те возможности восприятия, которые есть у человека. Энергии и духовные импульсы, исходящие от Бога, становятся непостижимы для человека. Ангел – это, по существу, образ более ветхозаветный. Вместе со Христом в реальности Нового Завета отпадает необходимость во всяком посредничестве, а потому и ангелы отходят на второй план. Исходя из всего этого и определять бесплотные силы онтологически не представляется возможным. Они являются только в экзистенциальном духовном опыте, они свидетельствуют о Боге, и это есть сила, слово и явление Божие в сотворенном мире. Поэтому бесплотные духи просто несопоставимы с духом человека. Это явления совершенно разного порядка.

Дух человеческий, во всем сообразный и подобный Богу, не существует без плоти. При этом реальность падшего мира неизбежно приводит к разделению плоти на плоть падшую и плоть преображенную. И здесь мы приходим к важнейшему определению. Плоть – это не статичная субстанция, это не раз и навсегда данная масса материи, и неважно, падшей ли или преображенной. Так это оказывается только в объективированном, падшем мире. Плоть, как и материя – это энергия. Плоть – это модус существования духа. Можно сказать, что дух человека непрестанно и динамично воплощается в плоти⁹. Поэтому плоть оказывается "темницей" для духа только в падшем мире, когда она есть сама по себе довлеющая реальность, раз и навсегда данная и живущая по собственным, независимым от духа, законам. В преображенном мире дух непрестанно как бы заново определяет плоть, отражается в плоти. Преображенная плоть самым прозрачным образом показывает, отражает дух. В падшей же плоти дух сокрыт, он может крайне противоречить духу. В реальности падшего мира возможно только частичная цельность, единство духа и плоти, которая есть свидетельство победы над падшестью, но полнота этой цельности и единства возможна

⁹ Об этом же пишет Христос Яннарас: "На вопрос о том, что представляют собой тело и душа человека согласно церковным воззрениям, мы ответили бы так: как тело, так и душа являются энергиями, присущими человеческой природе <... > Они всего лишь высвечивают истинное «я» человека и являются энергиями, проявлениями, способами выражения личностной ипостаси" (Яннарас Х. Вера Церкви: введение в православное богословие. М., 1992)

только в ином, преображенном мире.

В умершем человеке противоречие, расколотость духа и плоти проявляется максимально. Можно сказать, что умерший человек теряет основной модус своего существования в падшем, объективированном мире. Он как бы "теряет прописку" в мире сем, и выдворяется за его пределы. Падшая объективированная плоть, живущая по своим законам, приходит к своему предопределённому концу. В реальности падшего мира дух человека лишается последнего способа выявления, отражения своего существования. Дух человека теряет возможности своего воплощения, и модус его существования становится иным. Дух человека остается жить в Боге в ожидании возможности своего осуществления, полноты жизни в преображенном мире. Во всяком случае, так это можем воспринимать мы, исходя из нашего падшего мира.

Важнейшим фактом в отношении духа и плоти является событие, а вернее процесс Боговоплощения. Дух Божий и сотворенная плоть соединяются, и это величайшая тайна, "соблазн" и "безумие" для объективированного мира. Дух Божий обретает модус своего существования в падшем мире, то есть обретает падшую плоть, слабую, объективированную, смертную. Эта плоть совершенно не соответствует заключенному в ней Духу, эта плоть не отражает этот Дух и

не может его отразить хоть сколько-нибудь в полной мере. Дух Божий в принципе неместим в какую-либо плоть, тем более в падшую плоть, ибо плоть есть печать сотворенности. Сотворенная плоть вмещает в себя Творца, но не может вместить. Тем не менее в рамках условий падшего мира Дух Божий воплощается, то есть обретает плоть, которая отражает Его в максимальной возможной для падшего мира мере. Более того, Христос достигает максимально возможного единства и цельности Духа и плоти. Плоть Христа всецело освящается – опять же, насколько возможно в этом мире. Однозначная направленность Духа Христова к Отцу, Его бесконечная сила и единство с плотью есть вечный ориентир и пример для человека. Но плоть в падшем мире, тем не менее, всегда берет своё – в конечном счете она умирает. И Христос теряет модус своего существования в падшем мире. Этот мир вымещает, выдворяет за свои пределы даже самого Бога. Мир поработочает своими законами даже Бога. Поэтому сам факт Воскресения есть уже прорыв и разрыв ткани этого мира. В нём происходит то, что не должно происходить, что не может произойти. В глубине падшего мира Бог совершает новое творение¹⁰, иначе нельзя объяснить Воскресение Христа. Плоть Христа Воскресшего – это есть и прежняя Его плоть, и новая сотворенная плоть, то есть

¹⁰ Сын Божий, Логос Божий, Бог-Слово – это творческий акт Бога. Через Него Бог совершает первое творение, через Него Бог совершает и новое творение. Как и в первом, так и во втором творении соучаствует человек своими творческими актами. Подробнее об этом – далее.

плоть радикально преобразованная. Эта преобразованная плоть уже не есть лишь произведение падшего мира, как прежняя, умершая плоть, это уже есть переход к новому миру и новому творению. Плоть Христа Воскресшего есть модус существования Духа Божьего в новом, преобразованном мире, в Царстве Небесном. Поскольку этот новый мир преемственен миру "старому", постольку и Христос ещё узнаётся в нем. С одной стороны, Воскресшего Христа всё ещё узнавали, даже могли видеть "раны от гвоздей", но, с другой стороны, это узнавание было не объективированно, а потому затруднено, происходило не сразу, не "внешними" лишь глазами, но требовало внутреннего экзистенциального усилия.

По образу плоти Христа Воскресшего, каждый дух человеческий обретёт в преобразованном мире новую, преобразованную плоть, которая, тем не менее, будет преемственна прежней. Эта новая плоть уже не будет объективирована и детерминирована, но будет свободно отражать и вмещать в себя дух человеческий. Эта преобразованная плоть есть модус существования духа в новом мире. Она будет твориться человеком свободно и непрестанно, она будет живым "изображением" духа человека. Выше уже было сказано, что и плоть Христа Воскресшего есть модус существования Духа Божьего в новом мире. Это значит, что воплощение Христово не имело лишь инструментального, воспитательного значения, но оно причастно вечности и актуально навсегда. В новом

мире, в Царстве Небесном мы будем жить со Христом Воскресшим лицом к лицу. Самоумаление Божье не прекращается, общение и единение человека с Богом всегда совершается и будет совершаться во Христе и в Духе Святом, а значит, через Боговоплощение, через плоть Бога во Христе Воскресшем.

Троичность Бога и человека

В осмыслении состава человека всегда несомненно различалась двойственность духа и плоти, в человечестве же – двойственность мужского и женского. В Откровении же была явлена Тайна троичности Бога, с одной стороны, и двойственности Христа – с другой. Всё это могло чрезвычайно запутывать, и гораздо легче было бы мыслить Бога, Христа, человека изолированно, и утверждать их скорее внешние взаимоотношения. В человеке же гораздо проще было отбросить плоть и разделение на мужское и женское как нечто несущественное, даже греховное или, как минимум, ничего не значащее для понимания сущности человека. Но всё это в действительности имеет глубочайший смысл и взаимосвязано. Человеку открылось, что Бог троичен, но это троичность не математическая – это Тайна, которая выражается на мифологическом и символическом языке. Отец предвечно рождает Сына (Логос), и от Отца исходит Святой Дух. Это значит, что Безначальный Отец всегда существует и действует через Сына (Логос) и через Дух. Отец открывается человеку через Сына (Логос) и через Дух, и человек знает и постигает Бога через Логос и через Дух. Соотношение же Логоса и Духа непростое, неоднозначное, нелинейное, которое едва ли можно объять человеческим познанием без искажения, и здесь все термины, понятия, логические конструкции могут

вводить в заблуждение. Есть тайна присутствия и действия в человеке и в мире Логоса и Духа, которых в этом контексте условно можно назвать началами. В трансцендентальном человеке¹¹ эти начала выражаются в разделении на разумный логос и дух, в душевном человеке – на мышление и эмоциональную жизнь, в телесном человеке – на форму (структуру) и материю (содержание). Среди людей эти начала выражаются в разделении на мужское и женское. С одной стороны, это последнее разделение эмпирически человеку кажется очень ясным и понятным. Буквально с раннего детства ребенок учиться отличать одно от другого. Но это эмпирическое различение полов связано с реальностью падшей и крайне объективированной, это только вершина айсберга. Начало пола настолько выродилось в человеке, настолько беспокоит и давит его с самых разных сторон, что человек, стремящийся к вечной жизни, нередко хотел бы и вовсе избавиться от него, видит в нём только лишь явление злого, падшего или, во всяком случае, временного мира. Само мышление о половом разделении глубочайшим образом искажено. Но пол не просто так появился и был искажен по определенным причинам.

Человек был создан по образу и подобию Божьему. В пер-

¹¹ Использую это выражение вслед за Бердяевым: “Трансцендентальный человек есть внутренний человек, существование которого находится вне объективации. К этому человеку принадлежит то, что не выброшено в человеке вовне, не отчуждено, не детерминировано извне, что есть знак принадлежности к царству свободы” (Бердяев Н.А. Истина и Откровение)

возданном человеке с самого начала имелось два начала, мужское и женское, – две половины, которые потенциально могли быть разделены и которые в конечном счёте были превращены в актуальное разделение на два существа – мужчину и женщину. Первоначально такое разделение не заключало в себе какого-либо противоречия или противостояния, но было гармоничное единство общения. Женское и мужское начала содержатся в целостном, неосквернённом, первоначальном человеке, в самом образе Божьем, и это значит, что эти начала есть в самом Боге. Мужское начало есть отпечаток Божьего Логоса, женское начало есть отпечаток Божьего Духа. При этом в каждом человеке, и в мужчине, и в женщине, содержатся оба этих начала одновременно, и именно так возможна личностная полнота, потенциальная и актуальная. В мужчине есть женское начало, и в женщине есть мужское начало, и вся разница в соотношении, в соразмерности, в приоритетности этих начал в конкретном человеке. Мужское начало, отпечаток Божьего Логоса, связано с творчеством, с вектором устремленности, со смыслом, с разумом, со структурой, с формой, с упорядоченностью. Мир был создан через Логос. Женское начало, отпечаток Божьего Духа, связано с общением, с дыханием жизни, с радостью, с завершенностью, полнотой, избытком.¹² Не случайно женщина получи-

¹² Бердяев связывал мужское начало одновременно с духом и логосом, а женское – с душой и космической стихией, что, как мне представляется, не совсем верно и несправедливо принижает женское начало, даже если иметь в виду возможные оговорки. Связь женского начала с космической стихией и душой вто-

ла имя Евы, то есть жизни, и Сам Дух есть Жизнь. На уровне целостного мироздания можно было сказать, что всякая форма, всякое назначение, всякий смысл всему придаётся Божьим Логосом, а конкретное жизненное содержание и даже, в определённом смысле, материя – Божьим Духом.

Важно, что Божественный Логос и Святой Дух внутренне нерасторжимы, неотделимы, хотя мы и можем интуитивно чувствовать и выделять различие их действия. Одно невозможно без другого, и, более того, между ними нет приоритетности, иерархической подчиненности, но есть полное и совершенное равенство¹³. Точно так же, на своём уровне, соотносимы мужское и женское начало, форма и содержание, смысл и воплощение. Но социализированное падшее сознание с трудом принимает подобную мысль. Грехопадение обусловило расторжение, дисгармонию, противоречие мужского и женского начала в мире, и между ними выявилась борь-

рична. Вот что писал Бердяев: “Дух есть мужественное активное начало, душа же есть женственное пассивное начало. Дух от логоса, душа же космична. Дух совершает акт относительно души, оформляет ее смыслом и истиной, дает ей свободу от власти космических сил” (Бердяев Н.А. Дух и реальность).

¹³ Возможно, именно такое их нерасторжимое единство, когда одно можно спутать с другим, и, более того, их совместное действие в творении привело к развитию учения о Софии (софиологии) как о некоей новой отдельной сущности. Часто обращали внимание (особенно это выражено у Вл. Соловьева) на вечную женственность Софии, тем самым, по-видимому, чувствуя прежде всего действие и отпечаток Святого Духа. О. Сергей Булгаков впоследствии критиковал этот акцент на женственность Софии, восстанавливая равновесие между совместным действием Логоса и Духа.

ба, жажда власти и подчинения, дурное бесконечное притяжение и бесконечное отталкивание. Мир оказался раздвоен и расколот, люди между собой оказались раздвоены и расколоты, человек внутри себя оказался раздвоен и расколот.

Пол в падшем человеке оказался объективирован, но отчасти он всё ещё несёт в себе инерцию своего начала, хотя часто и в весьма искаженных множественных преломлениях. Всякий человек, поскольку он есть образ Божий, содержит в себе образы трёх Ипостасей Божьих: мужское начало творчества по образу Логоса, женское начало общения по образу Духа и экзистенциальный центр, сердце человека, сводящее всё воедино, по образу Отца. Таков трансцендентальный человек. В этом свете требует дополнения традиционное разделение духа, души и тела. Когда мы говорим о человеческом духе, то наша терминология оказывается весьма условна. Человеческий дух троичен: в нём есть и экзистенциальный центр, и собственно дух (пневма), и логос. В Боге различают Ипостаси Отца, Сына и Святого Духа, но в человеке эти ипостаси не различают, выделяя только дух. Это неверно, это может быть такой же ошибкой, как и смешение Ипостасей Троицы. Конечно, мы говорим, что Бог вообще есть Дух, что Он духовен в каждой Своей Ипостаси. Аналогично мы говорим о том, что в человеке есть дух, и в сердцевине своей он духовен, но необходимо и более тонкое различие равных в человеке “ипостасей” экзистенциального центра, логоса и

духа. Поскольку Бог троичен, то и человек троичен. Сама по себе троичность человека – это мысль не новая, но она была слабо развита и едва ли утвердилась как основная и что-либо определяющая. Даже ошибочно утверждали дух, душу и тело как такую троичность, сообразную Божественной.

Человек един и троичен в своём сердце, логосе и духе. Сокровенное сердце человека – это образ Отца. Оно постоянно "рождает" разум, смысл, логос человека, тем самым созидая, конструируя, определяя его личность. И из сердца же постоянно "исходит" дух человека, составляющий внутреннюю жизнь, дыхание, "атмосферу" его существования. И здесь три равно одному. На более глубоком уровне осмысления можно сказать, что дух человека – это в определённом смысле эманация Божественного Духа, поскольку сам дух – это и есть сама реальность общения и приобщения. Дух – это не объективированная субстанция, как его часто совершенно искажённо понимали. Дух – это то в Боге и в человеке, что делает возможным их общение в свободе и любви. Поэтому дух почти не поддаётся какому-либо определению, поскольку он составляет, образует самую глубочайшую реальность жизни, существования, которая есть общение. Дух же всегда исходит из экзистенциального центра, того глубинного "Я", которое составляет тайну личности. Без этого экзистенциального центра Дух Божий просто поглотил бы дух человеческий, как это часто понимается, например,

в индийский философии, но не только. Экзистенциальный центр укоренён в несотворённой свободе, из него исходит сама глубинная воля, определяющая направленность духа и непрестанно рождающая логос, смысл. В общении всегда совершается творчество – это значит, что в духе и через дух всегда действует логос, который совершает творческие акты внутри общения. Дух логосен, и логос духовен. Внутри общения возгорается свет, смысл, истина. И дух, и логос имеют началом экзистенциальный центр личности, который всегда направлен к другому, к общению, в котором дух реализуется через логос, и логос совершается в духе.

Троица человека составляет то, что обозначалось только "духом" в традиционной трихотомии духа, души и тела. Человеческая плоть есть только преломление человеческой глубинной троицы в конкретных условиях его тварного существования. Объективация падшего мира порождает тело и душу человека, то есть его плоть, какой мы её знаем в эмпирически. Это значит, что и в душе, и в теле человека отражается, является, объективируется, преломляется глубинная троица его личности. Душа знает своё сердце, свой логос (интеллект, рассудок) и свой дух (эмоциональную жизнь) – как явления психологического порядка. И тело имеет своё сердце, свой логос и свой дух – как источник единства организма, как его форму и как сам ток, материю его жизни.¹⁴

¹⁴ О триадах духа, души и тела писал А. Позов, основываясь на текстах св. от-

цов, но истолковывал и раскрывал эти триады несколько по-другому. Например, у него воля связана с логосом, а экзистенциальный центр он называет умом (нус), что, по моему мнению, не совсем верно. Ум относится к логосу, а экзистенциальный центр связан со свободой и с волей. В последующих главах это будет более подробно раскрыто.

Множественность человека

Человек в творении – не одинок, Бог сотворил не только лишь одного человека по образу Своему. Человек сначала оказался как бы расщеплён на две части, две половины ещё до грехопадения. В мужском поле оказалось преобладающим начало логоса, в женском – начало духа, при этом в каждом остались оба начала. Это значит, что внутри каждого конкретного человека совершилась некоторая дисгармония, неполнота, возникла потребность в другом человеке, в восполнении своей неполноты. С одной стороны, это придало импульс человеку, вывело его из потенциально статичного и самодостаточного состояния. Тайна творения человека в мире – в некоей множественности людей. С другой стороны, жажда восстановления полноты могла повести человека в неправильную сторону, мимо Бога, только лишь к человеку. Так и получилось, и в этом смысл драмы библейского рассказа о грехопадении. Человек жаждет полноты и стремится к ней, но эту полноту он может обрести только в Боге и через Бога. Двойственность человека совершилась в его пути. Второй человек возник не изначально, и потребность в нём обнаружилась из опыта первичного общения Бога с первозданным человеком. Значит ли это, что первозданный человек не справлялся, оказался сам по себе несовершенен? Это великая тайна. Можно было бы предположить, что дело здесь

тоже в сотворённости человека как Божьего образа. Человек возжаждал Бога, как Бог возжаждал человека. Но первозданный человек был только в начале своего пути, был только призван к возрастанию, не имел ещё своего собственного содержания, и потому большая пропасть разделяла ещё Бога и человека. Единство их ещё не могло быть вполне осуществимо. Человек тосковал от невозможности полноценно соединиться с Богом, войти с ним в полное и равноценное общение. Не пришло ещё время Боговоплощения. Поэтому Бог из любви и жалости послал человеку другого человека. Но не такого же, а иного, при этом всё-таки необычайно близкого и похожего. "Плоть от плоти", как часть самого же первозданного человека, но всё же принципиально иного, другого. Благодаря этому Бог смог говорить с человеком через другого человека. В человеческом общении стало возможно осуществление Богообщения. Сотворение женщины стало прообразом Боговоплощения.¹⁵

Сказанное о двух актуально и для неопределенного множества. Но это множество стало уже следствием грехопадения, объективации. Всё стало бесконечно множиться, и в этом была утрата субъектности. Личность первозданного человека потенциально включала себя весь Божий кос-

¹⁵ В этом предчувствии, быть может, кроется просветленный корень такого стихийного почитания Богородицы, каким мы его наблюдаем в истории. Принять Богочеловека, т.е. войти в Богочеловечность, сложнее, чем принять человека, через которого действует Бог.

мос. Это огромный масштаб человеческой личности. Множественность людей есть уже иной, меньший масштаб каждой отдельной личности, хотя эта "масштабность" здесь и относительна, поскольку космос не только дан человеку Богом, но и в известном смысле творится самим человеком. Нельзя сказать, что вся множественность человечества – это есть объективированные части одной личности первочеловека. Каждый человек – монада, призванная стать личностью, ни чьей частью не являющейся. Но каждая отдельная личность уже не включает в себя всего Божьего космоса, и микрокосм каждой личности так или иначе ограничен. Вселенная, мир, космос складывается из множества личностных микрокосмов. Эти личностные микрокосмы на вершине своей не замкнуты, а взаимопроницаемы, взаимососообщаемы, являются как бы достоянием всех. Есть множество связей любви и общения, как и множество сообщающихся личностных миров, которые постоянно творятся, обновляются, расширяются.

Половое влечение – это объективированное преломление жажды полноты и единства, тоски по своему "другому", который восполнит само личное существование, и это влечение может и должно быть претворено в творческое общение, общность, единство личностей. Это общение и единство не простое, а сложное, в котором воплощается личная, уникальная, неповторимая свобода и любовь. Самое главное же в том, что взаимопроникновение и общение личностей ста-

новится полноценным потому, что совершилось Боговоплощение, что человек прошёл такой путь и так возрос, что стал с Богом наравне. Тоска Бога по человеку и человека по Богу исполняется, становится возможным соединение, единство, непосредственное общение. Бог здесь уже "всё во всём". Это открывает человеку возможность нового творчества. Человек становится творцом мира наравне с Богом. Непрестанно созидаются богочеловеческие, личностные миры, которые взаимопроникаемы и открыты, и Бог в них "всё во всём". Таков преображенный мир, Небесное Царство.

Любовь

Человек есть существо любящее. На самом простейшем уровне любовь есть внутренняя сила, выводящая из закрытости, замкнутости в себе. Монада раскрывается любовью. При этом любовь есть явление сложное и многоуровневое, или вернее было бы сказать, что любовью мы называем множество различных явлений. На биологическом уровне можно было бы сказать, что человек выходит из своей замкнутости, когда у него почему-то возникает нужда, потребность в чём-то внешнем для него для удовлетворения этой нужды и потребности. Человек выходит из своей замкнутости ради выживания, сохранения себя как биологического существа. На таком уровне мы едва ли можем назвать это любовью. На духовном уровне выхода из себя здесь как раз-таки не происходит, но внешний мир мыслится исключительно через призму собственной нужды, то есть объективированно. Объект же есть принципиально закрытое для меня, внутри чего я войти не могу, объект есть монада “без окон и дверей”, и её сущность недоступна. Объект, сталкиваясь с другим объектом, не выходит из своей замкнутости. Человек всегда мыслит другой объект не как он есть, не как существующий, а как часть собственного внутреннего мира. Другими словами, для субъекта другой объект есть лишь феномен его собственного закрытого мира. Только так возможно взаимо-

действие между объектами. В этом есть парадокс, связанный с падшим миром: субъект становится объектом, мир сам в себе закрыт от человека, а человек закрыт от мира, но человек живёт в мире, взаимодействует с ним, а потому вынужден помещать внешний мир, а вернее, части этого мира, его феномены как объекты внутрь собственной закрытости.

В рамках такой реальности возникает свой, особенный род любви. Любовью может называться привязанность к объекту. Тот или иной объект может приносить радость, удовольствие, или же от него может зависеть жизнь, комфорт, благополучие, продолжение рода. Например, ребёнок самым непосредственным образом мыслит свою маму как функцию для себя, как объект, с которым в полной мере связано само его выживание. Или же человек, желающий организации своей хозяйственной жизни, социальной среды, продолжения рода, может рассматривать своего супруга как подобный объект. В таких случаях любовью именуется определенная связанность объектов. Объект пользуется другим объектом для удовлетворения собственной нужды. Такова объективированная любовь.

Есть другой вид любви, поскольку есть другой путь выхода из собственной закрытости, на самом деле единственный подлинный – путь трансцендирования, субъективного общения. Монада может действительно раскрываться, не ограни-

чиваться лишь феноменами объективированного мира, но преодолевать, прорывать его отяжелевшую ткань. Возможен выход к "другому", каков он есть, в его внутренней тайне, как к субъекту, а не объекту. Я могу довольствоваться другим человеком как одним из объектов в горизонте моего внутреннего мира, мне для себя так даже будет проще понимать его, выстраивать отношения, получать необходимое. Но я могу попытаться вырваться из собственной объектности и прорваться к чужой субъектности. В этом вся евангельская этика. Я могу увидеть, возлюбить другого, даже личного врага "как самого себя", то есть устранить непроницаемые границы объектности. Только так может открыться внутренняя сущность другого, как она есть, и ранее закрытый объект для меня, бывший лишь феноменом моего внутреннего мира, может раскрыться в своей субъектности, в своей тайне, в своей глубине, в своей истинности. Но к такой необъективированной, единственно подлинной духовной любви необходим прорыв, подвиг, необходимо преодолеть всё сопротивление объективированной среды. Здесь уже нет эгоистической нужды и потребности в другом для себя. Такая любовь есть единственно подлинное преодоление одиночества, поскольку только в ней открывается возможность общения. Сама любовь здесь становится связанностью общения, любовь является как сила общности субъектов, их взаимопроникновения. Поэтому любовь есть сила, ведущая к общению, а общение, в свою очередь, подкрепляет, усиливает любовь. От-

сюда понятно, что сила любви определяется мерой внутренней, духовной общности, а мера общности определяется силой любви. Это приводит нас к определению двух типов духовной любви – любви восходящей и любви нисходящей.

Когда сила любви в большей мере определяется мерой духовной общности, то мы можем говорить о любви восходящей. Есть притяжение высоты, истинной красоты, небесных истин, бесконечных глубин сокровищ – человек постольку может обнаружить это и всеми силами тянуться к этому, поскольку уже отчасти имеет это в себе, уже обрёл вкус ко всему этому. Притяжение любви возможно там, где есть хотя бы какая-то соразмерность. Любовь возвышает человека, потому что в ней он сам становится выше, и его собственная высота становится больше. Для слишком низкого состояния невозможно влюбиться в запредельную, чуждую и пугающую высоту, но само измерение и качество высоты, пусть даже во многом потенциальное, уже должно быть внутри, чтобы могло возникнуть стремление и притяжение к большему. Когда впервые встречаются двое, то взаимное притяжение восходящей любви может возникнуть только от того, что эти двое как бы сразу узнают друг друга, увидят и ощутят глубочайшую общность между собой, сразу же войдут в подлинное общение, пусть даже не сказав ещё ни слова. Обнаруживаемая общность рождает любовь, которая устремляет человека в высоту и красоту другого. Такая любовь осно-

вана на общности, поэтому для неё обязательно необходима и даже требуется взаимность. Отказ одного от общности и перспективы её углубления есть закрывание для другого собственной субъектности, и тогда покинутый испытывает, что сама высота, красота, истина, которые он так полюбил и к которым устремился, закрываются от него. Это открывает опыт предельной богооставленности, закрывания небес. В такой перспективе и собственная внутренняя глубина, высота и красота меркнут, поскольку они раскрываются, обнаруживаются, актуализируются всегда только во взаимном общении, раскрытии, углублении. Здесь оказывается, что восходящая любовь как духовная связь есть в пределе отказ от себя ради другого. Здесь любовь к ближнему "как к самому себе" осуществляется самым полным образом. Центр "Я" переносится в глубину другого субъекта. При взаимной любви осуществляется соответствующее движение в обратную сторону, и собственное "Я" возвращается к себе через другого. Восходящая любовь – это в пределе полное взаимопроникновение, общность и общение субъектов, неразрывность сосуществования, ведущая не к утрате личностной целостности каждого, но к полной открытости и пребыванию одного в другом. Восходящая любовь исполняется как связь человека с Богом. Вне Бога и без Бога она для человека становится настоящей проблемой, одной из самых тревожных, опасных и даже страшных в его жизни.¹⁶ Восходящая любовь в бого-

¹⁶ Это замечательно показано в "Анне Карениной" Л.Н. Толстого.

оставленности вызывает самый глубокий экзистенциальный ужас.

Нисходящая любовь исходит не из актуальной и потенциальной общности, а из самой силы любви, которая может созидать общность. С одной стороны, явление нисходящей любви есть диалектическое развитие любви восходящей. Общность созидает и усиливает любовь, и потому любовь может действовать как бы в обратную сторону, создавая и усиливая общность. Полнота духовной любви осуществляется всегда в этой двуединой направленности. Общность с любимым, причастность его внутренней жизни открывает возможность бескорыстной жертвенности, отдачи себя и своего любимому ради его блага и совершенства. Без этого притяжение высоты и красоты любимого может выродиться в потребительство, пользование. Нисходящая любовь есть момент благоговения перед личностной инаковостью любимого, перед его сохраняющейся трансцендентностью и внутренней тайной. Нисходящая любовь есть момент самоустрашения и самоумаления, она делает невозможным растворение одного субъекта в другом. Такая любовь видит любимого во всей полноте без примеси своего "Я", а значит, видит и его нужды, его личные устремления и замыслы. Восходящая любовь проникает в глубину личности любимого, нисходящая же любовь сохраняет личностную целостность обоих, устраняя возможность смешения и слияния, а взаимность целост-

ной духовной любви делает возможным взаимопроникновение, взаимное утверждение существования друг друга, возвращает личностное существование каждому в самом себе, при этом сохраняя единство и общность, пребывание одного в другом.

С другой стороны, любовь нисходящая имеет в падшем мире и самостоятельное значение. Последствием грехопадения стала расколота, закрытость, отчуждённость субъектов. Была потеряна общность, и все попытки её созидания стали встречать немислимое количество препятствий, почему оказалась затруднена и ослаблена всякая возможность восходящей любви, что, в свою очередь, сделало почти невозможной любовь нисходящую. Любовь в падшем мире потеряла силу и оказалась расколота, не имея возможностей развиться и укрепиться. Нисходящая любовь для объекта немислима и невозможна, для неё нужны силы, нужно познание, нужно видение, открытое во взаимопроникновении субъектов, которое создается любовью восходящей. Но само это созидание любви восходящей также немисливо для объекта, а в объективированном мире возможно лишь в редких и даже исключительных случаях встречи единичных субъектов, и то несовершенно и во многом искажённо. Поэтому падшему миру больше всего нужно было откровение любви, нужно было восстановление возможности любви, нужно был внесение нового, новой силы в замкнутый и

ослабленный мир.

Только Бог имеет в Себе полноту любви, в Нём восходящая любовь к человеку оказалась возможной и совершенной, Бог знает и видит всех изнутри, не подчиняясь объективированному порядку, и потому Он мог явить силу нисходящей любви. Нисходящая любовь Бога есть Его бескорыстная жертва, Его смиренное предложение помощи, Его спасительный дар человеку, который Он при этом не навязывает ему. Но нисходящая любовь Бога к человеку была бы невозможна, если бы не было восходящей любви Бога к человеку. Это парадокс, который отвергается в большинстве официальных богословских систем. Бог любит человека не только из жалости и не по какой-то необходимости. Есть восходящая любовь Бога к человеку, Бог видит в человеке как в ином, как в другом, отличном от Себя, особенную, уникальную красоту и высоту. Бог видит в человеке то прекрасное и совершенное, чего нет в Нём Самом. Бог видит в человеке небо, уникальное, отличное, собственное человеческое небо. Но человек отвергает эту Божию любовь, и потому это возлюбленное Богом человеческое небо, его красота и высота, закрываются от Бога, и тогда наступает момент смерти и богооставленности Христа. Бог не самодоволен и самодостаточен Сам в Себе, как часто учили, Бог в самоустранении и самоумалении тянется к человеку и любит его, любит его высоту и красоту, которые для него становятся как бы выс-

шей ценностью. Человек становится для Бога всем. Поэтому отвержение человеком Бога при полной самоотдаче Бога человеку есть смерть Бога, убийство Бога. И это есть не просто факт тварного мира, это есть экзистенциальный факт самой божественной Жизни.

Бог любит не абстрактного человека, а каждого человека в его отдельности и неповторимости. Бога отвергли и отвергают многие, но не все. Нашлись люди, которые ответили Богу взаимностью, и только потому стало возможно Воскресение Бога. Воскресшего Христа и смогли увидеть только эти самые люди. Но Воскресение Бога продолжается для каждого, кто отвечает Ему взаимностью, не внешней только, но глубочайшей, внутренней. При этом сила Божией любви была явлена и погружена в самую сердцевину жизни этого падшего мира. Любовь нисходящая стала Божьим даром людям. Мы продолжаем жить в условиях объективированного мира, мы не можем актуально раскрыть восходящей любви ко всякому человеку. Но мы можем войти в поле действия нисходящей Божественной Любви. Сама общность с Богом, актуализированная в личных отношениях любви восходящей и нисходящей, открывает нисходящую любовь к людям как явление нисходящей любви к Богу. В воплощении Бог стал так близок человеку, между Богом и человеком открылась такая общность, что стала возможной возрастающая полнота восходящей любви к Нему. Восходящая же любовь откры-

вает любовь к Богу нисходящую. В этой нисходящей любви человек и обнаруживает любовь Бога ко всякому человеку, Его нужду в человеке, в спасении и возвышении человека. В этом вдохновении нисходящей любви к Богу человек и жаждет помочь Богу, что и выражается в силе нисходящей любви к людям. Именно так, в Боге и через Бога источник этой новой силы открывшейся любви. Явленная в откровении свыше сила нисходящей любви к людям открывает возможность созидания и восходящей любви ко всякому человеку, хотя и не гарантирует её. Таким образом, открывается перспектива созидания полноты духовной любви между людьми, а значит, их подлинной общности, общения и единства, которые разрушат прежний мир объективации, закрытости и отчуждения.

Общение и творчество

Общение – обратная сторона любви. Если любовь есть сила и энергия, то общение – это сама реальность, к которой приводит любовь. Общение, как и творчество, есть сам способ существования человека. Это значит, что вне общения человек не существует, он умирает. Поэтому и всякий разрыв общения есть уже прохождение через опыт собственной смерти, своего умирания. Предел богооставленности выражается в абсолютной смерти только потому, что сама богооставленность – это разрыв общения с Богом, с Жизнью самой жизни. В падшем мире общение, как и всё остальное, объективируется. На языке падшего мира это антропологически выражается тем общепризнанным утверждением, что человек есть существо социальное, то есть обязательно существующее среди других людей и по отношению к ним.

Общение как способ самого существования человека говорит о том, что человек определяется через другого, находит собственное существование в другом. Эта тайна присутствует в самой троичности Бога и сотворении Богом человека. Само сотворение мира стало плодом, отражением общения Бога и человека. Падение человека, искажение, а вернее, утрата этого общения привела и к отпадению мира, к другому образу мира. В этом отношении можно утверждать, что

мир был сотворён не только Богом, но и человеком – причём мир не только падший, а мир первичный, и тем более таковым будет мир преображенный. Бог не сотворил "древа познания добра и зла", поскольку в определенном смысле можно было бы сказать, что его "сотворил" именно человек – его существование стало отражением нетварной свободы внутри человека. Точно так же и человек сотворил "змея" в райском саду, как и сотворил дьявола. Миф о первичном падении ангелов есть объективация свершившегося внутри человека. Человек сотворил "змея" в райском саду для того, чтобы объективировать собственное искушение, приписав его "внешнему" влиянию, пришедшему "извне", и уже здесь началось его рабство. Грехопадение представляется результатом общения человека со "змеем" – с фиктивной, выдуманной, ложной реальностью, плодом его "дурного воображения"¹⁷. Это "дурное воображение" вдруг начало видеть всё вокруг как нечто "внешнее" по отношению к нему, Сам Бог стал восприниматься как "внешнее", в Самом Боге человек начал видеть внешнее принуждение. Мир стал внешним, а значит и уже потенциально объектным. И даже собственную мысль, собственное искушение человек истолковал как внешний голос. Человек выпал из общения – и в этом акте он потерял и Бога, и мир, и самого себя. Мир из среды общения претворялся во внешнюю, неизвестную, тревожащую, чуждую, наплывающую на человека реальность, в которой следы

¹⁷ Выражение Я. Бёме

прежнего общения Бога и человека смешивались с плодами дурного воображения человека. Со временем он приручил и обуздал мир, насколько смог, создал для себя множество миров культуры и цивилизации, в которых отгородился от первоначального ужаса.

Свершившийся факт – человек не удержался в общении, не выдержал общения. В этом тайна грехопадения, которую невозможно выразить в рациональных терминах. Но одно можно сказать точно – оно свершилось на путях общения человека с Богом, а не в каких-то только лишь личных "размышлениях" человека, как часто представляют. Именно в общении с Богом человек однажды натолкнулся на что-то, что привело к грехопадению. Тайна общения предполагает общность, пространство общего, и сам акт общения становится расширением этого пространства общего. Всякая же чуждость означает разрыв в общности, разрыв общения. В общении с Богом человек однажды натолкнулся на "чувство" чуждости Бога. Возможно, эта чуждость оказалась вызвана сознанием величия, недостижимого совершенства, бесконечной высоты Бога, рядом с которым человек почувствовал себя слишком малым, чуждым такого совершенства и такой высоты. Бог предупреждал человека, что на его пути такое искушение может возникнуть, но его можно и нужно преодолеть и "не есть от плода дерева". Человек же в тайне своей свободы поддался этому искушению, отчасти и потому, что

не был искушён, на опыте не изведаль ещё и поэтому не знал того зла и страдания, к которым может привести такой выбор. Всё нарастающее сознание чуждости приводило к утрате общности и общения, человек замыкался в себе, в нём действовало "дурное воображение", а потому и весь мир, и Бог, и сам человек для себя становился чуждым, внешним и объектным – совершалось отпадение от общения, совершалась объективация мира.

В падшем состоянии у человека осталась жажда общения и общности, но попытки её удовлетворения обернулись поистине трагической историей. Чтобы разобраться в этой истории, необходимо хотя бы в общих чертах увидеть саму сущность общения. Как было сказано, общение предполагает общность двух субъектов – в этой общности, уже данной, начинается общение, и в общении происходит расширение пространства общего. Бесконечность расширения и углубления общности возможна потому, что человек непрерывно творит собственное личностное содержание, а в общении не только обнаруживается, но и созидается, творится это "общее". Поэтому на глубине само творчество есть плод общения как созидания общего. В общении пространство "общего" становится миром, в котором обитают общающиеся и который они непрерывно творят, – миром, который для них общий. Поэтому это "общее" – универсально, но не "общеобязательно", оно созидается совместно изнутри, а не даёт-

ся извне. Все, пребывающие в общении, творят собственные общие миры, которые есть и условие, и плод их общения. Но поскольку и сам человек есть микрокосм и отдельный мир, общение всегда созидает общие миры на стыке личных миров, и эти новые общие миры общения созидают, обогащают и в действительности составляют само содержание собственного личного мира каждой отдельной личности. Личностные микрокосмы всегда составляются в приобщении к другим микрокосмам и никогда не могут быть изолированы и замкнуты в себе. Поэтому понятно, почему человек без других, без общения просто не может существовать. Но отсюда же следует, что человек не может существовать без творчества, и что само творчество есть реализация общения, и общение приводит к подлинному творчеству. При этом общение и творчество нельзя отождествить, хотя и невозможно отделить, общение в известной степени шире и первичнее творчества, в общении есть момент чистого созерцания, удивления, принятия другого как другого, в то время как творчество становится реализацией и осуществлением общения как совместности, как взаимопроникновения. Творчество – это великая красота и бесконечная перспектива общения.

Подлинное общение и творчество и в падшем мире остаются единственными источниками радости и надежды. Но здесь они наталкиваются на существенную трансформацию.

Объективация мира и человека делают их почти невозможными, и в целой жизни человека могут являться лишь малые мгновения приближения к ним. В грехопадении человек сначала почувствовал чуждость мира и даже самого себя, и первичный ужас давления мировой данности привёл к бегству в собственную закрытость. Если весь мир стал для человека закрытым в себе, чуждым объектом, стремящимся задавить человека, то и сам человек стал для мира закрытым объектом – это был акт самозащиты. Так сформировалось наше сознание, в основе которого – разделение на субъект и объект. Затем в человеке снова проснулась жажда общения и общности, но удовлетворял он эту жажду обычно на ложных путях: в избранных и изолированных от остального мира объективациях, которым он придавал значение священных. Человек захотел слиться, с одной стороны, с коллективом, с родом, а другой стороны – с природными силами, с космосом. Это слияние есть суррогат общения, поскольку в нём совершается утрата собственной индивидуальности, растворение собственного существования в "общем", потеря личного духа. Это основные формы человеческого рабства и по сей день. Человек внутренне жаждет общения, общения в свободе, но весь давящий объективный мир говорит о невозможности удовлетворить эту жажду, и человек непрестанно страдает от этой беспокойной и жгучей жажды, и он ищет и находит пути прекращения или уменьшения этих страданий – в отказе от себя, в рабстве объективированным ре-

альностям, в обретении общности любой ценой с частными явлениями этого мира. В сущности, это есть стремление к духовному самоубийству. Появлялись даже мысли, что раствориться можно даже в Боге, понятном, конечно, объективированно, как продукт человеческого сознания. И вот уже всю человеческую историю хотят раствориться то в роде и семье, то в государстве и обществе, то в церкви и традиции, то в идее и идеологии, то в природном мире и во Вселенной. Стремление к такому растворению себя есть всегда, когда человек признаётся лишь малой частью чего-то большого и великого. Это есть собственное отчуждение в объект. Поскольку всё в мире, как и сам человек, превратилось в объекты, замкнутые и закрытые в себе, то и общность стала возможна только путём поглощения одного объекта другим.

Даже в древние эпохи и так или иначе во все времена, хотя особенно ярко и серьёзно это проявилось уже в Новое время, происходила реакция против поглощения субъекта объектом. Нередко эта реакция была условной, и человек бежал от рабства одной объективации и попадал в рабство другой. Но всё же стремление к освобождению как духовное восстание имело место, хотя часто это приводило к крайним формам индивидуализма. Человек мог снова ощутить собственную субъектность, собственное уникальное существование, свой экзистенциальный центр – и это уже большой шаг в пути человека. Этот шаг даёт человеку возможность вернуться

к собственной глубине, но при этом обнаружить и трагическое положение собственного существования, снова встретиться лицом к лицу с ужасом грехопадения, с угрожающим объектным миром и при этом со жгучей жаждой общения и творчества, которую невозможно удовлетворить в этом мире. Этот шаг связан с большим страданием, и в культуре он породил немало болезненных явлений. Важно, чтобы этот шаг не привёл к срыву обратно в рабство, с одной стороны, и привёл к следующему шагу, с другой стороны. Индивидуализм вернул человеку его самого, но вновь обретенное личное начало должно получить своё содержание в общении и творчестве. Но для общения нужна общность, и субъекту нужен субъект – всегда таковым для человека остаётся Бог, и всякое подлинное творчество, культура и искусство есть так или иначе плод этого общения с Богом, пусть даже человек может это не вполне сознавать, быть может, в борьбе за личную свободу против объективированного понимания Бога. И таковым же субъектом для человека может стать другой человек, если окажется возможным взаимное движение навстречу. Но в объективированном мире общение и творчество крайне затруднено, и для хотя бы немногих прорывов к их подлинности нужно немалое усилие в сопротивляющейся среде. Продукты культуры несовершенны и объективируются, лишь отчасти являя в себе первичный замысел и вдохновение для тех, кто может это почувствовать и увидеть. И особенно может вырождаться в объективированной

реальности общение между людьми. Общее для людей может быть чуждым для их подлинной экзистенциальной глубины. Для подлинного общения общее должно иметь вечное значение. Общение требует сосредоточения и усилия, но оно часто развеивается, отвлекается, останавливаясь на поверхности, и тогда объектность в том или ином снова поглощает и останавливает человека. Закрытые монады могут взаимодействовать и контактировать, обмениваться сообщениями. Но для общения, для прорыва к экзистенциальной общности человек должен преодолеть слои объектности, во-первых, внутри себя самого, а во-вторых, в другом, и на каждом этапе может произойти срыв. Но в конечном счёте обретенное общение и его творческое свершение всегда имеют измерение вечности, и это уже предвосхищение преображённого мира.

Творчество и свобода. Дары Духа

Человек создан свободным творцом. Это значит, что без свободы и без творчества человек теряет свою человечность. Свобода и творчество глубочайшим образом связаны между собой. На глубине свобода не есть возможность выбора между несколькими заданными вариантами и даже не выбор между добром и злом – таково только крайне ущербное и ущемлённое отражение свободы в падшем мире. Свобода для творчества и в творчестве. Творчество есть актуализация свободы в общении. Свобода стоит перед бескрайней бездной "ничто", перед бесконечностью возможностей, чтобы из ничего вывести в пространство общения, в мир нечто, новое и небывшее. Свобода не связана с простым переформатированием формы, с приданием формы материалу, свобода глубже, а всякое соиздание формы уже вторично творчеству в свободе. Свобода – не гигантская песочница, в которой можно сделать всё, что угодно. Нет, в ней нет ни "песка" (материала), ни предполагаемого набора форм, в ней нет ничего объективированного, "природного", фиксированного, заданного. Но свобода есть "ничто" не в смысле пустоты, а в смысле потенциальности всеобъемлющей бесконечности миров. Свобода – совершенное "ничто" и потому потенциально абсолютное "всё". В ней нет никакой обусловленности, predeterminedности, причинной зависимости. Свобода свя-

зана с самим действием и, более того, с самим существованием экзистенциального центра "Я" человека. Вкоренённость такой свободы в человеке роднит его с Богом. И весь мир есть творчество свободы Бога и человека в их общении, но падший мир – двойственен в своей истории, и сама его падшесть есть человеческое творчество, укороненнёе в свободе человека и отразившее срыв в общении с Богом. Не Бог "наказывает" человека падшим миром, а сам человек творит падший мир, творит свободно. Но здесь свобода уже выходит из общения, нарушает его, и потому падший мир – уже не "общий" с Богом, и в нём Бога нет. Парадоксально можно сказать, что грехопадение – это акт общения человека с Богом, но такой акт, который выходит из этого общения, он внутри этого общения и вне его одновременно. Потому падший мир мог стать продуктом творчества человека в общении с Богом. Зло и стало таким свободным актом общения, его разрывающим, из него выходящим. Потому зло – это творчество чуждого, противного "общему" в общении. Но это же значит, что зло есть всё же продукт творческой свободы в общении. При этом же зло приводит в утрате общения, а значит и творчества, которое всегда может реализоваться только в общении. Утрата же возможности творчества означает утрату свободы. И тогда венцом утраты общения, творчества и свободы оказывается экзистенциальная смерть. Но путь к полной смерти – это путь долгий и сложный, и выход из общения совершается постепенно, его невозможно

прервать полностью и во всём – слишком многим человек связан с Богом, и потому рудименты их общения остаются всегда, пока человек жив. До смерти человек проходит через опыт рабства, утраты свободы.

Таким образом, свобода может быть направлена на выход из общения, что будет означать утрату свободы, и это свобода к рабству. Свобода головокружительна, безмерно велика и необъятна, а её реализация в творчестве общения трудна, поскольку в известном смысле её ограничивает. Творческий акт всегда исходит из свободы, но он и ограничивает свободу, синтезируя определённый выбор свободы – не в смысле выбора из заданных вариантов, а в смысле актуализации конкретного содержания. Свобода есть призвание человека, и человек призван к свободе, которая ведёт его в высоту, к реализации его самого как человека, но свобода трудна и в начале, и в конце. Поэтому свобода и может быть направлена к отказу от свободы, то есть к рабству, к миру зависимости, предопределения, законности, причинности, объективности. Последним актом человеческой свободы должно было стать творчество объективированного мира, в котором свободы, как и творчества, уже не будет, но будет торжество законов, абсолютной случайности и навсегда закрытых объектов, эволюция, перераспределение материи и заданные готовые формы. В этом мире не может быть ничего по-настоящему нового и неожиданного. Но такой мир не мог до конца

сложиться: в нём остались проблески иного мира, Бог не покинул человека, и человек сохранил остатки свободы. Произошло падение, произошло чудовищное искажение мира и человека, но это стало частью экзистенциального пути человека, для которого ещё открыта возможность возвращения к Богу, возвращения к свободе, творчеству и общению. Человек в падшем мире изживает искушения свободы, проходит через экзистенциальный опыт познания добра и зла. И это не наказание человека Богом, это акт самой человеческой свободы. Человек сам привёл себя в падшее состояние, но человек и сам, хотя и не без помощи Божьей, может вывести себя из этого состояния. Но в глубине это процесс всецело богочеловеческий, в котором человек не мыслится без Бога, как и Бог не мыслится без человека – в истории разворачивается драма отношений Бога и человека, и в этом всё её содержание.

Возвращение к Богу и есть возвращение к свободе и творчеству. Возможна ли свобода без Бога и вне Бога? Это есть и вопрос о том, возможна ли свобода вне общения, а значит и вне творчества. Поэтому в конечном счёте это вопрос о том, возможна ли свобода в объекте, в замкнутой монаде. Такая свобода есть вечно неактуализированное "ничто", тьма, в которой никогда не возгорится света, бесконечное отсутствие. Помимо свободы всегда есть и экзистенциальный центр субъекта, обладающий этой свободой, он и направляет

её к творчеству, к реализации, к воплощению, к свету. Свобода, которая никогда не актуализируется, есть свобода без экзистенциального центра – в сущности, остаётся только пустое понятие. Но если экзистенциальный центр субъекта не реализует свою свободу в творчестве и общении, значит он в действительности лишён её, отказался от неё и потому находится в рабстве. Свобода вне Бога и без Бога возможна только как творческий акт свободы изнутри общения с Богом – творческий акт отказа от свободы и творчества.

Свобода есть достояние и качество субъекта, экзистенциального центра, личности. Свобода есть первичная данность субъекта – он в свободе, и свобода в нём. Свобода божественна, но свобода не есть Бог. Свобода в Боге и Бог в свободе, и она более всего вкоренена в Нём. Есть первичная тайна Бога и свободы. Бог реализует свободу в Самом Себе, в Своей Божественной Троичности. На догматическом языке это значит, что Бог рождает Сына, и от Него исходит Святой Дух. В свободе Бога возгорается свет Духа и Смысла – конечно, не в порядке временном, не в категориях падшего мира. Изнутри общения Божественной Троицы, совершенного особого рода общения, которое есть в то же время и полное тождество, и в этом есть своя Тайна, совершается акт творения человека – "другого", потенциально равного Богу. Поэтому человек – бог по благодати Божьей. В Боге появляется потребность в ином экзистенциальном центре, чем Он

Сам. В общении же человека с Богом совместно творится мир, который затем творческим актом человека переходит в падшее состояние.

В объективированном же мире всякий творческий акт человека коренится в свободе, то есть в ином плане существования, чем этот мир. Потому воплощение творческого акта в этом мире оказывается затруднено, вынуждено проходить через слои объективации. Иными словами, в этом мире творческий акт может лишь отражаться, являться, символизироваться, но не может пребывать как данность сама по себе. Поэтому всякое воплощение творчества в этом мире – это лишь символ творчества, как, например, портрет человека есть лишь его символ. Это значит, что самое главное в творчестве, самое первичное в нём, акт общения, всегда скрывается, ускользает. Для воплощения, символизации творческого акта в объективированном мире требуется его материя, его объектная данность, которая в творчестве подвергается преобразению. Таковы, например, язык, логика, звук, действие, краски, и все данные формы природы и человека. Здесь и может проявляться искусность, мастерство творящего. Продукт творчества может быть более или менее качественным символом экзистенциального творческого акта. Преобразование материи этого мира в творческом акте есть уже предвосхищение, символизация всецело преображённого мира.

Кроме этого, творческий акт, исходящий из свободы и воплощающийся в формах объективированного мира, совершается по вдохновению, по дару Святого Духа. Это значит, что всякий творческий акт коренится в пространстве общения человека с Богом, и потому всякий творческий акт в той или иной мере есть совместное действие Бога и человека. Общение человека с Богом совершается в Духе, и на глубине сам Дух и есть это общение, его условие. Общение возможно потому только, что есть дух человеческий, соединяющийся с Духом Божиим. И в пространстве этого общения в Духе действует, является Смысл, Истина – Логос Божественный и логос человеческий, благодаря чему и совершается творческий акт. В общении и творчестве действует целостный человек и целостный Бог.

Особый дар Духа Божьего в человеке – это характер его общности с Богом в общении. Это именно то, что больше всего объединяет конкретного человека с Богом. Дар Духа связан с силой расширения и углубления этой общности, с силой любви как притяжения к Богу, в конечном счёте – поэтому это высший и главный дар. Любовь как высший дар Бога раскрывается в человеке именно через Христа. И только во Христе и через Христа человеку открывается та мера общности его с Богом, которая делает актуальной бесконечную перспективу углубления общения. Бог дарует человеку

Свою Истину, Логос, чтобы даровать, открыть и Свой Дух. В Духе же является и действует Истина, Логос. В этом полнота Откровения и полнота отдачи Богом Себя Самого человеку. Так человеку даруется, открывается общение и общность с Богом, и творчество с Ним и в Нём.

Общность человека с Богом оказывается действенной, плодоносной – в творческих актах. Человек действует с Богом заодно, вместе, и это выявляется таким образом, каким раскрывается характер и особое качество общности конкретного человека с Богом. Особый дар Духа – это в действительности дар общения и общности с Богом, и в этом общении совершается творчество человека и Бога как само это общение – творчество, которое имеет вечное значение и которое выявляется в мире. Это и есть "служение по дару Духа Святого". В творчестве есть момент вдохновения – момент интенсивного общения с Богом, чувства единства и общности с ним, в котором совершается сам первичный творческий акт. И в объективированном мире творческий акт проходит через слои объективации, и здесь уже от человека требуется терпение и труд, чтобы уже вне непосредственного общения с Богом довести творческий акт "до конца" в этом мире, чтобы он получил соответствующую форму. В этом есть, с одной стороны, естественный момент сохранения памяти о свершившемся творческом акте, а с другой – способ рефлексии, вживания в него силами склонной к объектива-

ции плоти человека, поскольку в падшем мире и память, и чувства, и сознание подводят человека. Но главное в том, что воплощение творческого акта в объективированном мире совершается для того, чтобы и другой человек мог приобщиться к нему. Возможно это только по любви и благодаря любви нисходящей к человеку. Верное восприятие чужого творческого акта само становится творческим актом, то есть входением в то самое пространство общения и общности с Богом, которое сделало этот творческий акт возможным. Приобщение становится общением, и в этом вершина воплощения творческого акта в падшем мире – оно способно вернуть человека в общение с Богом. Приобщение к чужому творческому акту есть и акт общения с другим человеком на его вершине, в его общении с Богом. Это акт общения с человеком, который приглашает и меня войти в это общение, и тогда оно уже становится и моим общением с Богом, а значит и моим творчеством. Поэтому каждый человек всегда уникально, по-своему воспринимает чужой творческий акт, который сам есть исключительная и неповторимая уникальность. Но эта уникальность при этом и глубоко универсальна, то есть открыта для каждого, в силу укоренённости её в богочеловеческом общении. Воплощение даров Духа, уникальных творческих актов общения человека с Богом есть путь спасения человечества и всего мира, есть прямой способ возвращения всего и всех к общению и единству с Богом в преображённом мире.

Созерцательное и деятельное начала

Есть очень сложный и в своём роде вечный вопрос о соотношении в человеке созерцательного и деятельного начал¹⁸. С одной стороны, человек познает, изучает, исследует, узнаёт, постигает. С другой стороны, человек созидает жизнь, изменяет реальность. Но нельзя сказать, что созерцание пассивно, а деятельность активна. Созерцание в высшей степени активно и в этом смысле деятельно, хотя эта деятельность иного рода – она внутренняя, сокрытая. Само же деятельное, практическое начало связано с активным участием в жизни миров, в которых обитает человек, – в мире социальном, историческом, культурном, космическом и т.п. – и с изменением этих миров. Начала созерцания и деятельности в человеке являются уже следствиями объективации, определяются по отношению к объективированному миру и потому не являются прямым отражением реальностей общения и творче-

¹⁸ Это глубже, чем обыденное различие теории и практики. “Созерцание” и “делание” – понятия, часто встречающиеся в восточно-христианской литературе, в особенности аскетической, где, правда, возможно влияние платонизма в интерпретации этих понятий. “Делание” может пониматься лишь как предваряющий этап в достижении “созерцания” как высшего состояния, и тогда “созерцание” уже не приводит к “деланию” и становится пассивным. Отражением вопроса о созерцании и делании стали и все церковные споры о соотношении веры и дел.

ства, которые находятся по ту сторону объективации. В этом заключается вся сложность и неоднозначность вопроса.

Во Христе оба начала созерцания и деятельности соединены совершенно. Он Сам есть полнота Истины, Ведения и Премудрости, которая действует в этом мире, спасает и преображает человека и мир. Но есть здесь противоречие: эта полнота в мир не вмещается, поэтому, с одной стороны, общественное служение Христа продлилось совсем немного времени, а с другой стороны, оно было в известной степени ограничено конкретной миссией – созиданием Церкви. Каждый человек находится в противоречии между необходимостью постигать и необходимостью созидать жизнь. Созерцание требует глубочайшей включенности и даже особого душевно-духовного склада, и деятельность требует того же. Это поняли ещё в древней Греции. Между тем как одно не может существовать без другого: созерцание, познание без воплощения ущебно, и деятельность сама по себе пуста. В каждом человеке оба начала, познавательное и деятельное, находятся в определенном соотношении. И здесь возникает вопрос об определенном призвании от Бога, а значит, о даре Божьем, но также и о соответствующих ограничениях. Человек деятельного склада в силу разных причин может стремиться к созерцанию и тем самым отказываться от полноценной деятельности. Человек же созерцательного склада может стремиться к деятельности и тем самым отказы-

ваться от полноценного созерцания. В обоих случаях получается ущербность, искажение человека, его насилие над собой и другими. Но и созерцательный, и деятельный могут не отдавать отчета в ограниченности своих способностей, могут брать слишком много на себя, претендовать на полноту обоих начал в себе, и тогда тоже случаются разного рода искажения, искривления, уродства. Понять же границы собственных возможностей относительно обоих начал, особенно учитывая динамический характер человеческой жизни, оказывается очень непросто. Всякому человека должно быть присуще стремление к большему, деятельный человек не должен отказываться от созерцания и пренебрегать им, как и созерцательный не должен отказываться от деятельности. Здесь, по-видимому, актуален основной принцип выявления Божьих даров в человеческой жизни. Есть качества, начала в человеке, которые в той или иной мере присущи всем личностям, но есть те качества и начала, которые особым вдохновением от Бога становятся основными в жизни человека, которые есть особый дар и призвание от Бога. Есть особый дар и призвание к созерцанию, к познанию и постижению мира, человека, Бога, но в той или иной степени это познание доступно всем. Есть же особый дар и призвание к деятельности, к созиданию жизни, хотя это созидание в той или иной степени доступно всем. Исключительно редко бывает, чтобы эти два дара в полной мере сочетались в одном человеке. Недопустимо сознание самозамкнутости и само-

достаточности своего дара.

Созерцательный призван к созерцанию, к познанию, к различению самых тонких граней первореальности, к обретению той степени сложности и одновременно ясности, которая позволила бы, во-первых, видеть, во-вторых, ориентироваться в мире, в себе, в Боге. Созерцание есть видение и общение. Вера – это созерцание невидимого. Созерцание укоренено в удивлении, которое рождается от встречи человека с Богом, с человеком и с сотворенным им миром. Созерцателен пророк, мистик, святой отшельник, учёный, философ, художник, писатель, композитор, как и всякий подлинный творец искусства. Созерцание первичнее всякого внешнего действия. Человек входит в мир с созерцания и познания. Но созерцание и познание может быть падшим, связанным с жадной обладания. В падшем мире познать – значит стать сверху, разглядеть во всех подробностях, "разгадать загадку", разобрать и проанализировать. Познующее созерцание напрямую связано с объективацией. Познание создает иллюзию обладания, оно может стать богопротивным сознанием, с похотью собственного обожествления. Познать всё, видеть всё – значит стать на место Бога, хотя и в рамках только собственного замкнутого мира. Поэтому познание связано с большим искушением, и именно на путях познания, то есть, в сущности, созерцания, произошло грехопадение. Созерцание стоит в начале человеческого пути, и оно же столк-

нуло его с пути, погрузило во мрак и тьму измены. Объективированная направленность созерцания привела к становлению нашего падшего мира. Только объективированный падший мир человек может созерцать и познавать исключительно для себя, только таким миром человек может обладать, только в нём он может обожествить себя. Можно даже сказать, что падший мир есть проекция похоти человеческого созерцания и познания. Созерцание этого падшего мира может давать поразительную ясность в изучении его материальности, но эта ясность часто иллюзорна, и в то же время она и бесконечно запутывает человека, приводит в бесчисленные тупики при углублении познания. Поэтому есть те, кто поклоняется познанию как идолу, а есть те, кто отменяет его, как бесполезное по существу средство, а то и как сам источник зла. Человеческое созерцание остро нуждается в исцелении, освящении и преобразении.

Познающее созерцание стало не только началом грехопадения, но и началом спасения. И как раз в реальности спасения, в реальности падшего мира, нуждающегося в спасении, оказывается особенно актуальным деятельное начало в человеке. Если созерцание связано с восходящей любовью, то деятельность связана с нисходящей любовью. Бог-Творец призвал человека к совместному творчеству мира. Творческое действие должно было выводом и выражением созерцания, укоренённого в общении и любви Божьей. Но в реально-

сти падшего мира деятельное начало стало на первый план: умирающее надо спасти от смерти, хаотичное – приводить в порядок, потерянное – искать и находить, а зло – активно ограждать. Как и созерцание, деятельность в падшем мире стало началом двойственным: с одной стороны, она стала самоцелью, она позволяет человеку строить свой собственный безбожный мир, она стала заполнением возникшей внутренней пустоты, страха, потерянности. С другой стороны, деятельность может действительно полагать предел действию зла, спасти человека от страданий и смерти, и она же может показывать всем путь ко спасению, организовывать жизнь так, чтобы она была во всех отношениях лучше и качественнее. Но падший мир везде приводит к раздвоенности и расколотости. Деятельность в рамках падшего мира предполагает определенную соприродность с ним. Падший мир живет по своим объективированным нормам и законам, и человек не может созидать вне этих норм и законов, не может в той или иной степени не подчиняться им. И здесь крайне велик соблазн слияния, в том или ином виде, с падшим миром. Падший мир есть мир объективации, и всякая деятельность возможна только в поле объективации, пусть даже эта деятельность и направлена на выход из неё, но сама объективация может "задавить" человека, поглотить его, затмить его взор, создать ту или иную иллюзию нормы и желательности. И здесь деятельный человек может быть застигнут врасплох: в своей увлеченности "делом" он может не заметить

подмены, и тогда сама деятельность оказывается во многом самоцелью, сознание проектирует иллюзии успешности "дела" и строит самые далеко идущие планы, а дух охлаждается, и происходит смешение духовного созидającego подъема и падшей объективации. Иными словами, то, что человек созидает во вдохновении и для блага, для выхода из падшего мира, начинает охлаждаться, снижаться, становиться обыденностью падшего мира. И все старания это предотвратить могут быть напрасны. В этом трагедия деятельного человека, даже самого одухотворенного. И здесь оказывается спасительным только одухотворенное созерцание, которое может видеть более чисто и ясно, непредвзято, не из глубин падшего мира, не из фикций объективаций, а изнутри духовного видения. В этом призвание и дар человека созерцательного дара. Ибо это есть дар видения первореальности, начала и конца, различения смыслов и качеств, связей, причин и следствий. Просветлённое созерцание есть духовный акт и явление Царства Божьего, созерцание глубже в человеке, поскольку связано с общением. Созерцание может быть спасительно как бы само по себе, а всякая деятельность условна: она имеет своё начало и своё завершение в созерцании. Но настоящее созерцание не может не приводить к деятельности, к созиданию жизни, хотя мера этой деятельности определяется Божьим даром.

Память, сознание, мышление и эмоции

Человек существует в объективированном времени и пространстве, и опыт его существования проходит сквозь призму его сознания, его памяти, его мышления и его эмоций. Эти понятия и обозначают грани человеческого опыта, проходящего через объективацию. Память человека связана с его существованием в разорванном времени. Всё, эмпирически воспринимаемое человеком, отражается в его сознании как прошлое. Даже то, что воспринимается как происходящее сейчас, есть в действительности только что прошедшее. Так устроено само чувственное восприятие человеком объектного мира, и человеческое сознание восполняет такие пробелы. Человек живёт в восприятии прошедшего, которое конструируется его сознанием как нечто связанное и при этом отдельное, имеющее какое-то значение. Хаотичный поток феноменального мира выстраивается в более или менее чёткую картину мира с помощью человеческого сознания. Память же сохраняет воспринимаемое сознанием для того, чтобы сознание впоследствии могло черпать из памяти как из опыта сознания для конструирования нового восприятия. Сознание упорядочивает феноменальный поток на основе материала памяти. Поэтому память в известном

смысле больше сознания – человек сохраняет в памяти неизмеримо больше, чем он сознательно помнит. То, что психоанализ называет бессознательным, и оперирует этими подспудными объёмами памяти. В действительности это бессознательное есть инструмент самого сознания, а, вернее, даже его часть. Сознание не есть только сиюминутное созерцание. Сознание совершает работу конструирования реальности, и в этом конструировании происходит не только узнавание и синтез, но и фильтрация, отказ от того, что представляется лишним, вредным, ненужным. Иными словами, сознание не только созидает, но и разрушает. Сознание возникло для самозащиты во враждебной среде, но у него нет предзаданных идеальных критериев работы: оно осуществляется инстинктивно, под воздействием многих обстоятельств, и потому склонно к ошибкам, к запутанности¹⁹. Огромный опыт цивилизации и культуры связан с выстраиванием работы сознания, которое оказывается чрезвычайно обусловленным природным и социальным контекстом. Сознание включает в себя самосознание “Я”, но оно и больше него. Поэтому в объективированном мире человек часто оказывается пленником, рабом своего сознания. Сознание, приспособленное к выживанию в объективированном, падшем мире, подчи-

¹⁹ Достоевский возводит причину сознания к страданию: “Страдание – да ведь это единственная причина сознания. Я хоть и доложил вначале, что сознание, по-моему, есть величайшее для человека несчастье, но я знаю, что человек его любит и не променяет ни на какие удовлетворения”. (Достоевский Ф.М. Записки из подполья).

няет себе человека, за него решает, как и что ему воспринимать, как и что ему помнить. Очень травмирующий опыт сознание может вымещать из видимости и актуальной памяти человека, и в этом есть его оберегающая функция в этом мире – полагать границу разрушительному опыту, не давать ему действовать разрушительно после события, ставшего его причиной²⁰. При этом же сознание может помогать человеку совершать самые страшные преступления, и тоже из функции эгоистичной самозащиты – поскольку эти преступления легче совершать, если человек упускает что-то важное из вида, не вполне сознаёт, что он совершает. Это объясняет, почему даже самые страшные преступники и насильники могут нередко производить впечатление неплохих людей, хороших семьянинов.

Сознание и память есть явления объективированного мира, и они всегда действуют вместе: сознание – как активное начало, память – как пассивное. Сознание обрабатывает опыт, актуализирует память и конструирует наличную видимость. Но также сознание преобразует или искажает память. По самому своему наименованию, сознание, как и всё объективированное в человеке, подразумевает коллективное, социальное измерение. Сознание в человеке конструирует определенную видимость в соответствии с тем, как она

²⁰ Впрочем, сознание далеко не всегда справляется с этой функцией, что нередко приводит к разнообразным психическим и психологическим расстройствам.

конструируется в сознании коллектива. Есть "правильное" видение, есть законы, по которым сознание конструирует реальность, и эти законы имеют социальную природу. Норма, правило, закон сознания – это плод работы сознания бесчисленного ряда поколений, со всеми их подъёмами и срывами. Поэтому ясно, что сознание – это продукт воспитания в широком смысле, то, что передаётся "из поколения в поколение", это есть результат накопившегося опыта жизни. Сознание древнего человека, как и сознание человека каждого поколения, а значит и само мировосприятие, связанное с этим сознанием, оригинально, отличается от всякого другого.

Сознание связано с разумом и мышлением. С одной стороны, сознание влияет на мышление, и подавленное объективированным миром сознание приводит к подавленности мышления. Человеку часто свойственно отсутствие мышления как такового – вернее, всякий акт мышления часто полностью обусловлен сознанием, взаимодействующим с памятью, и соответствующей наличной видимостью, и мышление только лишь отражает факты сознания. Таково царство обыденности. Мышление же, укоренённое в разуме, может иметь освобождающее, преображающее значение для сознания. Активное, свободное мышление может влиять на сознание, может фиксировать его работу, обнаруживать его ошибки и его ложь. Но также на сознание очень влияет эмоциональная сторона жизни человека. Состояния радости и эй-

фории, подавленности и грусти формируют работу сознания – то, каким образом нам предстаёт мир. Даже характер выявления памяти зависит от эмоционального состояния человека. Как и в случае с мышлением, здесь есть и обратное влияние: характер сознания формирует эмоциональную жизнь человека. В сознании, таким образом, синтезируются акты мышления и акты эмоций, и этот синтез – всегда сложный, в нём действует множество пересекающихся причинно-следственных связей. Например, активная работа мышления может привести к сознанию, склонному к исключительно материалистическому восприятию мира, и такое сознание, в свою очередь, может приглушать и чрезвычайно упрощать эмоциональную сторону жизни. Но также возможна и обратная причинно-следственная связь: тяжёлые эмоциональные переживания могут привести к сужению сознания, что может отразиться на циничном и поверхностном мышлении.

Поскольку сознание, мышление и эмоции есть объективированные реальности плоти (души) человека в падшем мире, то они имеют свои истоки в трансцендентальном человеке, в человеке до объективации, до грехопадения. Сознание есть то, где обнаруживается само "Я" человека, где совершается синтез всех сторон жизни человека в их целостность. Cogito Декарта обнаруживается именно в чистом сознании. Таким образом, сознание есть объективация в падшем мире экзистенциального центра человека, его глубинного "Я", самого

его существования. В свою очередь, мышление, разум человека есть объективация логосного начала в человеке, а его эмоциональная сторона – объективация его духовного начала. Так происходит объективация триединого состава трансцендентального человека в падшем мире. Сознание всегда интенционально²¹, направлено, так же всегда интенционален и экзистенциальный центр человека, который направлен к общению. Сознание же видит объективированный мир и не находит в нём общения. Потому оно всегда обречено лишь внешним образом приобщаться к объектам, явлениям этого мира, без возможности войти внутрь общения, к "вещам в себе", к субъекту. Экзистенциальный центр осуществляется в своём духе и истине, в общении и творчестве. Сознание же осуществляется в мышлении и эмоциях, которые часто служат лишь средствами самозащиты, оказываются замкнутыми в себе, а потому склонны к разобщению и дезинтеграции.

Человек призван бороться за расширение своего сознания на пути к сверх-сознанию, к целостности его существования в общении и творчестве. Прежде всего из сознания и глубже, из самого экзистенциального центра человека рождается са-

²¹ Использую этот термин в том значении, в каком его употреблял Э. Гуссерль: "слово «интенциональность» означает здесь не что иное, как это всеобщее основное свойство сознания – быть сознанием *о* чем-то" (Э. Гуссерль. Картезианские размышления). Гуссерль много верно написал о работе сознания, но не заметил самого главного – его соотносённости с экзистенциальным центром человека.

ма воля к освобождению. Есть большая доля истины в утверждении, что экзистенциальный центр человека – это сама его воля.²² Прежде всего есть воля к общению, к свободе, и эта воля коренится в свободе. Но в свободе же может возникнуть и воля к рабству, о чём уже говорилось. Человек в своей воле к освобождению задействует и мышление, и эмоциональную жизнь, которые совместно могут влиять на сознание, расширять и трансформировать его, меняя всё восприятие мира. В таком случае человек перестаёт быть рабом своего сознания, но пробуждается экзистенциальный центр человека, который берёт вверх над объективацией. Пробуждается и логос, и дух человека, которые овладевают своими объективированными преломлениями, мышлением и эмоциями. Но это процесс постепенный, сложный, никогда не достигающий полноты, конца в рамках объективированной реальности. Это всегда непрестанная борьба за освобождение, борьба с объективирующими реальностями, борьба с ложным сознанием, с ложными эмоциями, с ложным мышлением.

²² Если использовать святоотеческую терминологию, идущую от прп. Максима Исповедника, можно было бы условно связать волю экзистенциального центра с “природной волей”, а волю сознания – с “гномической волей”. Но есть большое противоречие в самом понятии “природной воли”, взятом из философии Аристотеля, которая сильно упрощает и искажает существо вопроса. Воля укоренена в свободе, а не в “природе”, которая противоположна свободе. “Природная воля” отражает скорее последнюю ступень объективации, где уже нет свободы, а есть обусловленность законом природы. Стоило бы отнести “природную” волю к “животной” природе человека и утверждать экзистенциальную волю, непрестанно определяющуюся на глубине общения с Богом.

Большую роль в освобождении сознания играет освобождение памяти, которая есть в действительности обратная сторона сознания. Учение о памяти Божьей – это, конечно, условный антропоморфизм. Сами по себе память и сознание как объективированные реальности Царства Божьего не наследуют, но в них может проявляться, просвечивать трансцендентальный источник – сам экзистенциальный центр человека. В вечности нет памяти, потому что нет прошлого, нет разорванности времени. Но память в падшем мире имеет огромное значение для вечности. Расширение и преобразование памяти связано с расширением и преобразованием сознания. Это означает, что сознание, действующее свободно, в творческом мышлении и в просветленных эмоциях, исключает из памяти злое, недолжное, то, что не должно наследовать вечности, и включает в неё всё то, что достойно вечности. В падшем мире сознание обращается к памятуемому как к разорванным частям памяти, но в вечности при сверх-сознании памятуемое живо и актуально в своей действительности как настоящее, а не прошлое. Иными словами, это уже не память, а сама реальность, преображённая жизнь субъекта, его микрокосм.

Мышление и эмоции, логос и дух

Мышление в человеческой истории связывалось со многими понятиями – разум, ум, рассудок, интеллект и т.п. Все эти понятия описывают определенную реальность, которую человек всегда в себе явно чувствовал. В некоторые периоды человек был склонен к абсолютизации этого своего качества, особенно тогда, когда открыл его могущество, способность прозревать тайны природы и изменять её. Способности разума восторгали, наука пленяла человека как открытая форма магии. Можно сказать, что человек склонен к рабству у объективированного разума. В самом основании его – разделение на субъект и объект, разум предполагает отчужденность человека от всего окружающего его мира. Разум всё овеществляет, материализует, подчиняет законам падшего мира. Разум чужд экзистенциальному общению, поскольку поглощён исключительно собственным содержанием – он питается лишь феноменами, сигналами из внешнего мира, создавая из этого свой собственный мир внутри своей замкнутой объектности. Первично разум служил защите человека от хаоса падшего мира. Внутри всеобщей замкнутой объектности разум помогал конструировать картину внешнего мира, чтобы человек мог выжить в нём. Развитие и успех разума давал человеку чувство защищенности, безопасности, комфорта. Хаотичный феноменальный поток складывался в

гармоничную картину мира, в которой понятно, откуда могут происходить угрозы, а чем и как можно воспользоваться для своего блага. Эта гармоничная картина мира была, конечно, иллюзией, фантазией, но она помогала человеку существовать в этом мире²³. Но в наше время пытливость разума уже привела к обнаружению им самим этой иллюзорности, и открытие и изучение квантового мира полно парадоксами, необъяснимостью, несоответствием тому, как человеческим разум привык воспринимать реальность.

Разум есть функция и направленность человеческого мышления, поэтому можно сказать, что мышление шире разума. Есть определённая обманчивость в самих названиях “разум”, “ум”, “интеллект” – как будто речь идёт о неких самоданных статичных реальностях. Мышление же есть движение, процесс, и разум осуществляется всегда внутри мышления, и потому он также динамичен. Это свойство мышления связано с его происхождением от логоса человека, ибо логос всегда динамичен, поскольку он есть творческий акт общения. Падшесть же мира породила его статичность, замкнутость, объектную закрытость, в которой всё детерминировано и причинно, в которой не может быть ничего принципиально нового и неожиданного. Эта статичность падше-

²³ Развенчанию и ниспровержению верховенства разума по преимуществу посвящена философия Л. Шестова, который стремился “расколдовать навеянные разумом чары” (Л. Шестов. На весах Иова (Странствования по душам)).

го мира и отразилась в статичности разума человека. Поэтому разум есть лишь производное падшего мира, склонное к полному порабощению ему. Мышление же способно преодолевать условности и иллюзии разума, освободить его от пленённости миром. При этом мышление есть акт сознания и в известной мере само содержание сознания. Это значит, что направленность мышления всегда связана с определенным действием воли. Человек может стремиться к освобождению, и для этого активизировать инструменты мышления, в том числе и разум. На определенном этапе развитие разума означает действительное освобождение. Оно происходит из жажды свободы, и оно приводит к разрушению множества социализированных иллюзий, к разоблачению лжи. В таком случае разумное мышление оказывается актом освобождения, то есть творческим актом, обогащающим человека. Все великие учёные были творцами. Разум восторгается "открытием", но в глубине это значит, что он восторгается творчеством. Небывшее для человека стало существующим, и это творческий акт, созидающий микрокосм человека. Всякое познание истины есть приближение к всецелой Истине. Поскольку весь видимый человеку эмпирический мир есть плод творческого акта, совершившегося в общении Бога и человека, то в этом мире разлиты логосы, смыслы, истины²⁴. Все

²⁴ Прп. Максим Исповедник учил о "логосах", через которые существует всё в мире, но у него "логосы" понимаются статично, подобно платоновским "идеям", и принадлежат исключительно Богу: "Логосы всего, что по сущности существенно существует, возникло, возникнет, появляется или появится, неколеби-

они имеют относительное значение, поскольку соотносятся с высшей Истиной. Обнаружение даже горькой правды есть путь к открытию высшей Правды. Всякое открытие истины есть само по себе освобождение. Это освобождение может быть малым, относительным, и из-за ложной направленности сознания может даже увести в сторону большего рабства, что нередко случалось, но может привести и к приобщению высшей Истине, стать шагом на пути к полноте свободы. При этом в самом по себе разуме приобщение к истине не осуществляется, поскольку он, как инструмент объектного постижения мира, наталкивается на непроницаемость, закрытость объекта, но творческий акт целостного мышления, выходящий за пределы разума, оказывается приобщением к истине. Это значит, что это приобщение к истине уже не может быть сведено к рациональности, разумности, оно выше и больше, ибо укоренено в логосе человека.

Разумное, рациональное мышление в самой своей внутренней структуре есть отражение объективированного мира. Оно осуществляется в понятиях, которые отражают объекты и их отношения. Само понятие есть абстракция, обозначение некоей вещи как объекта, который закрыт для понятия. Я могу знать о некоей вещи только постольку, поскольку она

мо предсуществуют в Боге, и согласно этим логосам все существует, возникло и всегда пребывает по [Божественному] намерению [в] своих логосах" (Максим Исповедник, прп. Амбигвы к Иоанну).

является мне как феномен моего сознания, поскольку она как-то воздействует на меня, и я опознаю только это воздействие.²⁵ Поэтому понятие не говорит о сущности вещи, а существует среди других понятий, которые вместе образуют собой определенную ментальную карту, помогающую человеку ориентироваться в мире. Эта ментальная карта условна и имеет социальную природу, и потому она подчас кардинально отличается в разных культурах. Понятия упорядочиваются в мышлении посредством логики, которая является отражением законов, детерминированности, причинных связей объективированного мира. Вещи не только существуют в мире, объекты не только являются в феноменах сознания, но и меняются, взаимодействуют и соотносятся друг с другом по определенным правилам и законам. Логика всегда связана с движением объектов в пространстве и времени. Но логика также не способна выявить внутреннюю сущность объекта, не способна “раскрыть” его, ибо она остаётся целиком обусловленной только феноменами сознания. Логическое мышление в понятиях, разумное мышление также неизбежно для человека в рамках объективированного мира, как и существование во времени и пространстве. Но возможно расширение и углубление мышления. Оно может не только свидетельствовать о порабощенности человека объектным миром, но и возвращать его к собственному логосному началу.

²⁵ Это исчерпывающим образом было показано И. Кантом.

Характер мышления тесно связан с языком мышления. Язык и есть та знаковая, символическая система, которая связывает его с миром. Поэтому качественное состояние языка отражает направленность и качество мышления. Вместе с тем язык есть осуществление коммуникации, т.е. объективированного общения. Объективированный характер языка выявляется уже тем, что он состоит лишь из знаков и символов, но не самих реальностей. Поэтому язык сам по себе не порождает общения, а лишь коммуникацию, обмен знаками, которые лишь условно общие, а в своём значении по сущности замкнуты внутри субъектов. В этом парадоксальность языка: с одной стороны, он существует для общения, но, с другой стороны, он замкнут внутри субъекта. Подлинный же язык есть логос, творческий акт общения, создающий общие реальности. И из объективированного языка возможны лишь творческие, освобождающие прорывы к источному логосу.

В математике как в языке наиболее очевидна знаковость, символичность, условность, но вместе с тем она есть апофеоз разумного мышления – она оказалась настолько точна, адекватна и эффективна для суждения о природном мире, что привела к многим открытиям и достижениям науки и цивилизации. Но математика приложима далеко не ко всем объектам этого мира, не говоря уже о том, что она не

приложима к тому, что выше и больше объектов. Большую роль в мышлении также играет образность и воображение, которое уже не сводимо к понятиям и логике. Можно утверждать, что мышление образами глубже мышления в понятиях. С этим связано то, что мифологическое мышление, которое есть развитое и нередко гипертрофированное образное мышление, в истории предшествует рациональному. В действительности же и рациональное мышление укоренено в образном, хотя часто и отрицает его. Образное мышление ближе к основам жизни, к самому существованию, в нём нет сухости, выхолощенности, абстрактности рациональной мысли. Но и образное мышление подвержено рабству у объектного мира, оно может быть целиком им обусловлено. Самая же главная опасность образного мышления в его потенциальной хаотичности. Поток феноменального мира, его явлений в человеческом сознании представляет собой хаос, обрушивающийся на человека. Человек стремится упорядочить этот хаос в мышлении, и образное мышление отчасти справляется с этим, но при этом и само начинает отражать этот хаос. Образы мышления могут не только поработать, но и разрушать человека. Поэтому опасность образного мышления обнаруживается с двух сторон: и как гипертрофия и абсолютизация собственных образов, и как допущение хаоса, разрушающего человека. Рациональное мышление осуществляет важную функцию очищения, упорядочивания, исправления ошибок мышления образного, но не может заменить его, и

все попытки разума абсолютизации своей функции есть такая же ошибка, как и неупорядоченный хаос воображения. Образное мышление на своих высотах есть наибольшее приближение к логосному началу человека. Именно на путях образного мышления совершается творческий акт и действует воображение как сила, ведущая к преобразению мира. Образное мышление наиболее близко к целостному восприятию, поэтому для него потенциально открыто приобщение к субъекту и общение с ним. Образное мышление может быть объективированно, но может быть в той или иной степени и освобождено от объективации. Здесь большую роль играет интуиция, которая имеет принципиальное значение для мышления. Можно даже говорить об интуитивном мышлении как способе мышления. Интуиция – это как раз и есть то, что невозможно объективировать, рационально истолковать и доказать. Интуитивное мышление коренится не в объектном, не в рациональном – оно, в сущности, коренится в самом общении, в конечном счёте, в общении с Истиной, с Богом. Величайшие научные открытия совершались на основе интуитивного и образного мышления, и рациональные формы играли лишь вспомогательную роль. Величайшие творческие и пророческие прозрения имеют такое же происхождение, хотя часто и имеют силу, глубину и интенсивность, много превосходящие научные открытия.

Интуитивное образное мышление не может не быть эмо-

ционально насыщено, и эмоции человека есть та среда, то пространство, в какой осуществляется мышление. Только чисто рациональное мышление склонно исключать эмоции, когда стремится отказаться от собственной субъектности, чтобы целиком отдаться отрешённому, абстрактному объектному миру. Отказ от эмоций в рационализме коренится в той же двойственности эмоциональной жизни человека, которая присуща и его мышлению. Эмоции человека есть объективация его духовного начала. Дух есть среда общения субъектов и само их общение, но в падшем объективированном мире общение оказалось невозможным или почти невозможным. Общение с объектом невозможно, поэтому духовное отношение претворяется в череду состояний, переживаемых субъектом по поводу и в связи с объектом. Первичная эмоция человека в падшем мире – это страх, отчаяние и ужас, вызванные объективацией, фактом полной отчужденности от всего, невозможностью общения. Вторичная эмоция – это удовольствие и удовлетворение, избавляющие от первичного ужаса. С тех пор большая часть жизни человека есть движение от ужаса к удовлетворению, есть поиск удовольствия, и здесь человек находит множество путей и способов избавления от отчаяния падшей свободы в различных формах рабства. На вершинах цивилизации человек оказывается уже “вполне довольным” почти постоянно, поскольку вся повседневная жизнь во всех своих проявлениях и повсеместно обустроена тем, что приносит удо-

влетворение, избавляет от экзистенциального страха и ужаса. Даже самый факт смерти близких людей обустроен таким способом в обрядах и ритуалах, в стереотипах мышления, чтобы человек в конце концов мог получить удовлетворение. Ритуал же, обряд – есть первичная форма достижения эмоционального удовлетворения, способ вхождения в спокойное эмоциональное состояние. В хаотичный мир объектов, отчуждения и бессмыслицы обряд вносит ощущение субъектности, приобщения, смысла. Поэтому всякий обряд имеет преимущественно эмоциональную природу, он является символом или знаком общения, который может быть как близким, так и очень далёким его действительному совершению.

Эмоциональную сторону человека часто недооценивают и обесценивают, низводя её значение до факта отражения определённых психических процессов. Но человек есть эмоциональное существо постольку, поскольку он существо духовное. Эмоциональные переживания человека, непрерывно сопровождающие всю его жизнь, коренятся в том его глубинном отношении к миру, в котором всякий акт взаимодействия с ним подспудно воспринимается как общение. В действительности этого общения не происходит, и в этом горесть, великое страдание человека и в то же время источник его эмоциональных страстей. Отчуждённость мира может вызывать как страх и уныние, так и гнев, сладострастие и

алчность. Жажда власти, господства и обладания коренится в негативной эмоции переживания безответности и отчуждённости мира. Можно сказать, что после первичного ужаса человек переживает обиду в ответ на невозможность общения с внешним миром, и в этой обиде рождаются злые страсти, жаждущие удовлетворения. Все эти злые страсти означают переход человека из пространства общения в объектные отношения господства и подчинения. Здесь в сам дух человеческий проникает объективированность мира, и таким образом дух угашается, и общение уходит из жизни. Но страдания, вызванные безответностью объективированного мира, могут претворяться в другие, положительные страсти, жаждущие преодолеть объективацию и вернуться к общению. Тогда человек в глубине своей чувство обиды вымещает чувством вины и ответственности, связанное с сознанием того, что сам человек ответственен за падение и безответность внешнего мира. Так в человеке рождаются эмоциональные страсти, влекущие его к освобождению и восстановлению общения: такова подлинная любовь, таковы жалость, сострадание и милосердие, таковы жажда познания и жажда свободы, таковы радость и восторг вдохновения²⁶. Именно в переживании таких положительных эмоциональных страстей пробуждается и дух человека, то есть в определённой

²⁶ Аскетический идеал бесстрастия (апатия) только лишь отчасти истинен, а нередко означает порабощённость негативным опытом, всецелую зависимость от зла и угнетённость падшим миром.

мере восстанавливается общение как экзистенциальное состояние, а потому и могут совершаться творческие акты, что означает пробуждение логоса человека и пробуждение его мышления в истине. Так, в эмоциональном переживании, в эмоционально окрашенном мышлении и в мысленно окрашенной эмоции, когда в глубине человека его дух соединяется с логосом, открывается возможность возрождения и преобразования человека.

Соединение мышления и эмоций есть содержание и выявление жизни сознания, как логос и дух человека есть содержание и выявление его экзистенциального центра. Это соединение в конкретном опыте человека происходит неравномерно и нелинейно. Образное и в особенности мифологическое мышление наиболее эмоционально. В этом раскрывается большая глубина и подлинность образного мышления, его целостность, но здесь кроются и свои опасности. Мышление может быть поработано негативным эмоциям, происходящим из соответствующего опыта человека. Так порождаются злые фантазии и фантазмы, многочисленные иллюзии и в особенности страхи, преследующие человека и направляющие всё его мышление. На определённом этапе такие злые фантазмы могут приводить и к крайне рациональному мышлению, которые по внешней видимости даже могут казаться лишёнными эмоций. Но в таком случае рациональное мышление становится лишь инструментом глубоко вкоренённой

негативной эмоции, определяющей собой всё. Самые ужасные жестокости и преступления в мире совершались и совершаются именно с таким соотношением эмоции и мышления. Страшнее всего злой дух, проецирующийся в злую эмоцию, которая завладевает человеком и делает его разумное мышление своим могущественным инструментом²⁷. На этом пути кроется склонность человека к уничтожению всего существующего, такая жестокость, на которую способен только человек.

Не только эмоция может определять мышление, но и мышление может влиять на эмоцию. Человек может отрицать действительный опыт жизни и общения исходя из собственных умозаключений. Это может играть как положительную, так и отрицательную роль. Есть опыт и есть эмоции в падшем мире, от которых нужно отгородиться и защититься, чтобы избежать порабощения им. Но очень часто бывает и так, что человек исключает и всякий подлинный опыт, борется с теми эмоциями, которые могли бы привести к большей свободе, к общению. Так блокируется сама возможность духовного пробуждения, и так само мышление оказывается подчас бессильным, бесплодным, лишённым какого-либо вдохновения. Это часто вызвано негативным эмоциональ-

²⁷ Так складываются т.н. "злые гении", которых особенно много было в истории XX века. Этот феномен часто затрагивается и в современной художественной культуре (например, в образе "Джокера").

ным опытом прошлого, которым оперирует сознание. Диалектика действия сознания сложна и запутанна, и часто едва ли возможно отследить причины и последствия. Сильная негативная эмоция, сохраняемая в памяти, может привести к иссушению эмоциональной жизни, к преобладанию рационального мышления, но и сам акт мышления может привести к переживанию негативной эмоции, которая будет довлеть над рациональным мышлением как постоянно подпитывающая его сила. В конечном счёте всё определяет сознание, совершающее синтез, внутреннее “Я” человека, а в глубине – сам его экзистенциальный центр, его сердце²⁸. Это значит, что человек всегда, непрестанно, во всех своих актах, внешних и внутренних, определяет себя по отношению к Богу, определяется в общении с ним. Поэтому и мораль в известной степени относительна, как и закон. То, что для одного человека может стать актом приближения к Богу, для другого может стать отдалением от Него, и наоборот. Всё в этом объективированном мире, даже то, что представляется священным, возвышенным и прекрасным, может знаменовать отдаление от Бога, как и то, что представляется презренным и неправильным, может означать приближение к Богу²⁹.

²⁸ "Ведь изнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы – разврат, кражи, убийства, прелюбодеяния, алчность, низость, ложь, бесстыдство, завистливый взгляд, богохульство, гордыня, безумство" (Мк 7:21-22).

²⁹ В духовной жизни гарантий безопасности, как верно отмечал Бердяев, быть не может: "Гарантия и безопасность связаны с социальной жизнью людей, а не с духовной жизнью. Духовная жизнь опасна, она не знает гарантий, она есть сво-

Человек даже во всех своих порабощениях никогда не определяется полностью объективированным миром, но корни его существования уходят в вечность, в его первичную свободу, и всегда сохраняется экзистенциальный центр человека, который выше этого мира и выше всей объективированной природы человека, – тот центр человека, в котором пробуждается воля человека, которая может изменить всё. Ответ человека на Божий призыв совершается здесь. В этом кроется великая надежда для человека: он всегда, в любом положении и состоянии может бороться за своё освобождение, может приближаться к Богу в общении с ним, может идти к своему спасению и преображению, как и к спасению и преображению мира. Это и есть то, что Бог открыл человеку в Своём Откровении ему – в Откровении Истины и Духа.

Иуда Искарот предал Христа, апостол Пётр отрёкся от него из страха. Но в то же время апостол Пётр в конечном счёте обратился и сохранил верность Христу вплоть до смерти крестной. Между предательством Петра и его непоколебимой верностью стоит событие Пятидесятницы, сошествия Духа. Крещение человека Духом Святым, т. е. погружение его в Дух Святой, в сокровенную глубину общения с Богом, и есть то событие, которое принципиально изменяет челове-

ка, вкореняет Дух Божий в самое его сердце³⁰. Это совсем не означает какое-то упразднение свободы человека, какое-то внешнее насилие над ним, но это знамение такого развития личных отношений и общения Бога и человека, того взаимного движения навстречу, такой их близости и такого их взаимопроникновения, которое делает возможным "обожение" человека наравне с "очеловечением" Бога. Именно о таком человеке сказано, что он "на суд не приходит", а переходит из смерти в Жизнь. Это есть фундаментальный переход границы, стены, отделяющей Бога и человека – переход, ставший возможным во Христе, в Его Богочеловечности. Это есть важнейшее экзистенциальное событие в жизни человека, опыт такой степени подлинности и глубины, такой уверенности и цельности, которое делает как бы внутренне невозможным отступничество. Принципиальное отпадение от Бога возможно только от недостатка опыта, от духовной молодости, от малого и слабого взаимопроникновения Бога

³⁰ При этом понятно, что крещение Духом невозможно свести ни к какому формальному обряду. Можно пройти через обряд церковного крещения, через воцерковление, можно пребывать в церковных границах, но до крещения Духом Святым нужно ещё внутренне дойти, нужно лично пережить исполнение Духом, и это есть внутренняя тайна, которую бывает невозможно определить внешне, объективированно. Если человек всерьёз отвернулся от Бога, значит, он никогда и не был с Ним в той степени близости, которую можно было бы назвать крещением Духом Святым. Вообще, быть может, присутствие в церковных границах для большинства людей есть только путь к исполнению Духом, хотя и в самой идее крещения и миропомазания ожидается соответствие обрядового и экзистенциального опыта, которое в действительности редко бывает.

и человека. Исторический опыт человеческой жизни, испытанность его падением, страданиями, смертью, ложными путями, углубление и утончение человека, долгий путь сложных отношений Бога и человека – всё это на определенном этапе исключает возможность очередного отпадения. Человеку нужно пройти через испытанность свободой, нужно изжить ложные пути, чтобы утвердиться в свободе как в творческом общении.

Энергии

Объективация существования человека и мира наложила глубокую печать на мышление и сознание человека в целом. Онтологическое мышление – это всегда объективированное мышление. Оно имеет дело с неизменными и статичными сущностями и субстанциями, в которые обращает всё, весь непосредственный опыт. Сама материя мироздания, которая по определению статична и замкнута в себе – это продукт объективации, причём, во-видимому, самый первичный продукт. Опыт восприятия материи глубочайшим образом определяет сознание человека. Поэтому и всякое онтологическое мышление по определению материалистично, т. е. мыслит всё как форму материи. Первичная субстанция – это материя, и затем всё, мыслимое в качестве субстанции, даже сам Бог, мыслится как материальное. Так фундаментально устроено мышление падшего человека и его язык. Материя, субстанция, природа, сущность – категории мышления одного порядка, говорящие об одном и том же. Сама же материя есть лишь кажимость, своего рода иллюзия, выстраиваемая человеческим сознанием. То, что представляется материей, в действительности является энергией³¹. Давя-

³¹ Как пишет А. Эйнштейн: "Материя и излучение, согласно специальной теории относительности, являются только особыми формами энергии, распределенной в пространстве" (Эйнштейн А. Эфир и теория относительности).

щая объективированная масса материи в глубине является энергией субъекта. Поэтому падшестъ выражается не в материи, которая есть лишь кажимость, продукт сознания, а в оторванной от субъекта и от общения энергии, в падшей энергии. Первоначально же энергия – это импульс субъекта. Этот импульс всегда определяется по отношению к общению. Падшая энергия – это энергия объективированная, отчуждённая от своего источника, и потому детерминированная, предопределённая, чуждая свободе. Падшая энергия – это и физическая материя, и рок в истории, и судьба. Весь падший, физический, природный, объективированный мир в действительности составляется из энергий, бывших некогда импульсами в общении Бога и человека и впоследствии отчуждённых от них из-за разрыва общения³². Потому эти падшие энергии в пределах мироздания в известном смысле ограничены в количестве, и в природе действует закон сохранения энергии. Происходит лишь перераспределение, трансформация и организация уже имеющейся энергии. Но всякий подлинный творческий акт человека – это, по существу, возникновение в этом мире новой, небывшей энергии,

³² Христос Яннарас очень верно пишет об энергетическом характере мироздания и даже утверждает, что "для греческих отцов мир есть энергия, поскольку он тварен, создан Богом". Но у него получается, что "в сердце материального мира человек-личность встречает Личного Бога", в тварном мироздании можно увидеть Бога так же, как в картине – художника (Яннарас Х. Вера Церкви). Но здесь совсем не учитывается отчуждённость, недолжная выброшенность вовне энергий материального мира, то есть трагическое положение падшего мироздания.

и в этом его коренное отличие от всех прочих актов человека³³. Эта новая энергия может быть также отчуждена от человека и погребена, сокрыта более могущественными в падшем мире энергиями. Вечность же всякой энергии, её сохранение в преображённом мире определяется именно её соотнесённостью с субъектом, с человеком, с укоренённостью в нём. Последний акт Бога в падшем мире – это устранение всякой объективации, это уничтожение всякой отчуждённой энергии. Останутся только те энергии, которые укоренены и живы в Боге и в человеке.

Энергия – это и есть по преимуществу акт общения и творчества. Энергия исходит из субъекта и направлена к субъекту. Поэту и дух – это энергия, и логос – это энергия, и экзистенциальный центр человека – это энергия, что особенно очевидно в проявлении его глубинной воли. Определить энергию рационально невозможно, это не природа и не субстанция, её нельзя понимать натуралистически. О ней можно сказать только, что её источник – в свободе субъекта, и она не статична, а динамична, она существует во взаимоотношении. Но падшая объективированная энергия, отчуждённая от человека, может довлеть над ним, порабощать его внешним принуждением. Человеческая плоть является

³³ Поэтому не может быть злого творчества. Творчество может быть только искажено и извращено злом. Для зла же действует закон сохранения энергии: оно может только аккумулировать, трансформировать и перераспределять имеющиеся отчуждённые энергии.

такой падшей энергией, и в этом трагический парадокс положения человека в мире: у него есть плоть, но это и его плоть, и не его плоть, она подчиняется человеку, выражает его, но она одновременно живёт и действует по собственным внутренним законам, совершенно отчуждённым от человека. Тело и душа человека нередко становятся врагом трансцендентального человека, и это его непрестанная проблема. Он силится овладеть своей плотью и может расширять пространство такой интериоризации, т.е. возвращения плоти к своему источнику, но человек никогда не может этого вполне достигнуть в пределах этого мира. Плоть человека находится в тесной взаимосвязи и со всем объективированным миром падших энергий, и поэтому человек непрестанно находится во враждебной среде, потенциально или актуально. Трагедия человека и в том, что он нередко видит в объективации и отчуждении от мира спасение от порабощения миром, и он воображает себя закрытым, а значит вполне защищённым, объектом среди других объектов, но в действительности объективация и означает порабощение, и человек как один из объектов падшего мира определяется теми же падшими энергиями и законами, как и все прочие объекты. Все акты души и тела человека, все мысли, чувства, эмоции, желания могут определяться объективно, детерминировано теми падшими энергиями, которые пронизывают плоть человека изнутри и в то же время связывают его с внешним миром. Падшие энергии по определению антиперсона-

листочны и не индивидуальны: они сохраняются и тогда, когда плоть разлагается и служит пищей для других существ. Человек порабощён этими падшими энергиями и может даже не сознавать своего порабощения, и его сознание может целиком определяться им. Но возможно пробуждение трансцендентального человека, пробуждение его экзистенциального центра, что означает уже начало освобождения и спасения. Возникающая жажда освобождения от рабства энергиям мира есть уже новая, небывшая энергия в мире, исходящая из глубины субъекта. Но всякая энергия определяется силой, и энергия освобождения может быть остановлена, погребена и объективирована падшими энергиями³⁴. Слабая энергия освобождения может быть порабощена и поставлена на службу падшим энергиям, и именно в этом заключается трагедия культуры и цивилизации в падшем мире. Не было бы энергии освобождения, не было бы никакой культуры и цивилизации, и человек остался бы на уровне животного мира, но и сама энергия освобождения часто попадает в капкан падших энергий, то есть отчуждается и объективируется, служит ложным целям. Энергия освобождения может сводиться к развитию физической силы и храбрости, что часто проявлялось в войнах, а может сводиться к развитию душевных качеств, водимых жаждой власти, порабощения, сребролюбия, сладострастия и т.п. В истории лишь в относительно немногих случаях энергия освобождения мог-

³⁴ Здесь имеет смысл вспомнить евангельскую притчу о сеятеле.

ла быть вполне развита, могла выдержать испытания чуждыми энергиями, сохранить внутренний огонь, и только в Откровении Духа и Истины это стало в полной мере открыто и доступно для всех, для всякого человека, и "Царство Божие приблизилось". Всё самое ценное в истории человеческой культуры свидетельствует об этой борьбе человека за освобождение, за возвышение над миром падших космических энергий, за возвращение человеку его достоинства. И в этой страстной борьбе было больше истины, чем во всех попытках человека навести рациональный порядок в падшем мире, устроить в нём благополучную жизнь. Конечно, борьба за свободу нередко может сопровождаться грехами, то есть добровольным попаданием под власть тех или иных чуждых энергий, когда освобождение от одной из них может приводить к порабощению другой, но и в этом всё равно больше истины, чем в добровольном и статичном, без всякой жажды освобождения, порабощении падшим энергиям и грехам, которые лишь социально, коллективно прикрыты и оправданы историей, традицией и т. п. В конечном же счёте всё определяется силой энергии освобождения, которая пробуждается изнутри экзистенциального центра человека, но этой силы всегда недостаточно, чтобы человеку противостоять падшим космическим энергиям, и потому ему так необходима сила свыше, сила Духа Святого. Но нельзя действие силы Духа Святого здесь понимать натуралистически, когда одна сила просто механически прибавляется к другой. В действитель-

ности полнота интериоризации всякой энергии, её укоренённости в экзистенциальном центре человека, в чём и выявляется мера её силы, есть направленность её к другому экзистенциальному центру, к Богу. Иными словами, энергия освобождения, как и всякая прочая энергия, только тогда обладает полнотой силы, когда укореняется в глубине человека и направляется к Богу, то есть становится актом общения и творчества. В этом отношении сила энергии освобождения дополняется и исполняется силой энергии любви к Богу, которая реализуется в общении с Ним, – в общении, открывшемся в явлении и откровении любви Бога к человеку. Поэтому отпадение от Бога, разрыв общения – это и есть причина бессилия экзистенциального центра человека, попадания его под власть отчуждённых космических энергий, когда-то бывших актами общения и творчества и объективированными. Сила же экзистенциального центра человека, его освобождение определяется любовью к Богу как к Отцу, Духу и Истине, то есть всецелой обращённостью к восстановлению общения и творчества, и это выявляется в действии сознания, мышления, эмоций и тела человека, в восстановлении их богатства и полноты, что и означает их интериоризацию, возвращение к трансцендентальному человеку. В рамках ещё падшего мира, во враждебной среде отчуждённых энергий, действие энергий трансцендентального человека всегда есть подвижничество и всегда в известной степени ограничено и относительно, но оно имеет вечное значение –

это и есть творчество, спасение и преобразование мира, при-
готовление Царства Небесного.

Красота

Объективация логоса и духа в мире связана с явлениями формы и содержания. Сама возможность их разделённости есть знамение падшести. В общении совершаются творческие акты, и нет общения без творческих актов, как и творческих актов вне общения. Но в падшем мире может быть форма без содержания, и содержание без формы. Соответствие формы и содержания и есть то, что называется красотой³⁵. Но красота не существует "объективно", поскольку в объекте скрыта и внутреннее содержание, и внутренняя форма. Красота существует в общении и приобщении, она коммюнитарна и выявляется творческим усилием субъекта. Поэтому красота выявляется эмоционально и одновременно образно в мышлении, она духовна и логосна. Красота воспринимается целостным сознанием, как и целостным экзистенциальным центром человека. Красота имеет жизненное, практическое значение, но не в утилитарном смысле, а в смысле её отнесённости к целому, к самому существованию. Поэтому красота связана с добротой, с добрым, т.е. устремлённым к Богу и оттого просветлённым содержанием. Красив творческий акт внутри общения, который и есть в определённом

³⁵ Вл. Соловьёв чутко определял красоту так: "Красота есть воплощение в чувственных формах того самого идеального содержания, которое до такого воплощения называется добром и истиною" (Соловьёв В.С. Общий смысл искусства).

смысле творение формы из содержания. Красива личность, красив внутренний мир личности, но я могу это заметить, только если вступлю в общение с этой личностью, только если эта личность раскроет себя мне в общении в своих творческих актах, в которых я и могу увидеть красоту, но могу увидеть постольку, поскольку сам творчески восприму эти творческие акты. В этом кроется сама тайна общения.

В процессе же объективации всё трагически усложняется. Красота объективируется, как и застывают творческие акты и угашается дух общения. В мире мы сталкиваемся с ограниченной формой и ограниченным содержанием. Более того, форма может быть бессодержательна, и содержание может быть не оформлено. Уродство и кроется в этом несоответствии. Чаще всего человек воспринимает уродство как ложную, неправильную, искажённую форму для данного содержания. Но уродлива также и форма с ложным, искажённым содержанием, и этот тип уродства часто недооценивают. Такова всякая злая, зловещая красота. Орудие убийства может иметь красивую форму, соответствующую содержанию, но оно уродливо в силу ложности содержания. Уродливо всякое умершее человеческое тело, даже если при жизни оно признавалось очень красивым. Но хуже всего то, что в объективированном мире наличная форма и содержание часто не соответствуют логосу и духу. Поэтому и ложен всякий эстетизм. Для внешнего объективированного взгляда может ка-

заться уродством то, что в действительности полно внутренней красотой, как и наоборот.

Трагедия объективации красоты состоит в том, что человек не может вполне оценить ограниченные форму и содержание, не может пробраться к их необъективированному источнику, в пространство общения. Можно ложно воспринять содержание, можно не видеть его лжи, можно выдумать и додумать содержание для соответствующей формы, можно, наконец, искажённо видеть форму. Можно воспринимать красоту слишком поверхностно, ложно, иллюзорно – такая мнимая красота, оторванная от общения. И такая мнимая красота наиболее может поработать человека. Человек может выдумывать красоту для себя, может создавать ложные формы и содержания вне пространства общения, чтобы удовлетворить свои ложные страсти. Таким образом человек может объективировать красоту, низводя всё до уровня объектов, феноменов своего замкнутого мира. Но объективированная красота, являющаяся в этом мире, может быть и спасительна для человека, если он сможет прорваться через слои объективации к источному пространству общения. Всякая подлинная красота есть явление в падшем мире преображенного мира³⁶. Соответствие формы и содержания мо-

³⁶ Здесь невозможно не вспомнить знаменитое прозрение Ф.М. Достоевского: "Красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей" (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы).

жет быть соответствием духа и смысла, явлением творческих актов общения, наследующих вечность. Способность приобщиться ко всякой подлинной красоте есть открытость к общению, есть способность прозревать, преодолевать объективацию, прорываться к свободе. Поэтому всякая подлинная красота никогда не даётся сверху как готовый и замкнутый объект, но к ней возможно только приобщиться в творческой активности. Прекрасный пейзаж, который я смогу прозреть внутренним взором как творческий акт богочеловеческого общения, может напомнить мне о рае и устремить к преображённому миру. Запечатленный в живописи, такой пейзаж может быть изображением, символом такого прозрения художника. Но уродство этого мира должно напомнить мне о его падшести, о трагедии объективации, о необходимости творчески созидать красоту, то есть возвращаться в пространство общения с Богом, чтобы в совместном творчестве созидать новый преображенный мир, в котором красота будет всё во всём. Тогда уже не будет застывшей формы и ограниченного содержания, но будет сама явленная, непрестанно создаваемая в творческом общении красота Духа и Истины.

Добро, закон

Этика, мораль, нравственность, закон – центральные понятия для человеческой истории. Человек постоянно определяет правильное и неправильное, должное и недолжное, хорошее и плохое, доброе и злое. Такова реальность падшего мира, таково последствие грехопадения, вкушения от плода "древа познания добра и зла". После того, как человек выпал из непосредственного общения с Богом, он оказался в состоянии неопределённости, когда его экзистенциальный центр интенционально замкнулся, а свобода потеряла актуализацию в творчестве и потому клонилась к хаотичности. Только по памяти, из личного горького опыта и на основе подсказок свыше человек стал определять собственные ориентиры, куда и как возможно или невозможно направлять свою свободу, которая становилась теперь объективированной "свободой выбора" из ограниченных имеющихся вариантов³⁷. То, что изначально было реальностью живых отно-

³⁷ Человек поставлен перед необходимостью выбора из внешне заданных вариантов, и он совершает выбор, даже если не хочет ничего выбирать. Причём каждый выбор необходимо приводит к едва предсказуемым последствиям. Между тем, из заданных вариантов всегда есть один или несколько "правильных", и предполагается, что человек должен выбрать именно их, но ему, отягощённому относительным неведением и страстями, всё равно почему-то даётся формальное право выбора, а за ошибку предполагается жестокая кара. Такая принудительная свобода выбора, поистине адская, но которую в официальной религии

шений в общении, оказалось объективированно, претворилось во внешнее различие добра и зла, т.е. в закон. Внутреннее и невыразимое стало внешним и выразимым. Динамичное стало статичным.

В падшем, объективированном мире разного рода законы пронизывают человека и изнутри, и снаружи. Всякий закон, в сущности, имеет натуралистическую природу и связан с детерминацией. Законами определяется жизнь всего физического мира, человеческого тела и даже души. Закон – это всегда край объективации и отчуждения, он всецело самодостаточен сам в себе и его невозможно изменить. Закон всегда поработает, и он противоположен свободе. Всеобъемлющие законы объективированного мира настолько влияют на сознание человека, что он формально проецирует принцип закона на все сферы своей жизни, в том числе на духовную и нравственную сферу³⁸.

Закон действует среди объектов, которые не общаются, а внешне коммуницируют и взаимодействуют. Закон состоит

часто даже понимали как Божий дар, справедливо вызвала отторжение и неприятие, что замечательно показано, например, в "Легенде о Великом Инквизиторе" Достоевского.

³⁸ Кант чувствовал это противоречие и пытался придать нравственному акту динамический и субъективный характер, укоренить его в свободе, а не в законе. Получилось это не вполне удачно, поскольку от закона всё равно уйти не удалось – он только лишь был поставлен в зависимость от субъекта, который стал законотворцем.

из заданных норм и правил, которые довлеют над человеком и от которых не допускается отступить под страхом наказания, в том или ином виде. Закон стал внешним давлением на объект, поскольку внутри субъекта не может быть закона. Но для падшего человека закон стал напоминанием об изначальной реальности общения, которое было утрачено³⁹. И соблюдение закона открывало возможность дожидаться возобновления общения, то есть удержаться и не потерять всё окончательно, чтобы не пасть ещё ниже, откуда, быть не может, уже невозможно будет вернуться к общению. Такова священная миссия закона в падшем мире. В нём действует жестокий и даже смертоносный закон, поскольку он объективирован, но без закона мир обратился бы окончательно в смерть⁴⁰. Закон – это объективированное напоминание об общении, и без закона была бы утрачена и всякая память об общении. На своих вершинах закон хотел стать как бы знаком, символом общения в новых условиях падшего мира⁴¹. Но мало того, что закон далёк от какого-либо совершенства и является только временной объективацией на пути восстановления общения, так он ещё является объективацией условной и относительной, как и всякая другая.

³⁹ "Ибо вся полнота Закона в одном слове, а именно: возлюби ближнего твоего, как самого себя" (Гал 5:14), "Любовь есть исполнение закона" (Рим 13:10).

⁴⁰ Об этом парадоксе закона много писал апостол Павел. С одной стороны, закон благ и даже свят, а с другой – закон принёс смерть (Рим 7:9-13).

⁴¹ Этому посвящён, например, 118-й псалом.

Это значит, что закон социализирован, т. е. приспособлен к "усреднённой массе", и при определённых условиях может быть обращён против человека. Закон может сильно искажаться, подвергаться дурным человеческим влияниям. Самое страшное, что закон, условный и нередко извращённый, может абсолютизироваться, как может абсолютизироваться весь падший объективированный мир, и тогда уже нет никакого возврата к общению. Довлеющий в себе закон может становиться и очень часто становится силой, препятствующей всякому восстановлению общения, то есть силой смертоносной⁴². Вместо напоминания об общении он может стирать это напоминание. В этом трагедия и противоречивость явления закона. Но это лишь значит, что закон есть творение человека и находится во власти свободы человека.

Всякая абсолютизация закона и означает, как ни парадоксально, отмену закона, такое действие человеческой свободы, которое означает ещё более глубокое падение, чем то, которое привело к появлению самого закона. Но человек часто лукаво не хочет признавать, что именно он сам, по существу, и является создателем закона. То, что Бог в духовной свободе сообщает человеку, и что впоследствии может быть положено в основу закона, не есть ещё закон, а акт общения. Но человек хочет сакрализовать объективированный закон,

⁴² В этом заключается образ "закваски фарисейской" в Евангелии. В целом, драме понимания закона уделено очень много внимания в евангельских текстах.

сделать его надчеловеческой силой, которая выше и больше отдельного человека: закон приписывается то Богу, то государству, то обществу, то роду. Сакрализация и абсолютизация закона вызвана глубочайшим страхом. Человеку может показаться, что признание относительности закона приведёт к тому, что его не будут исполнять, и это приведёт к всеобщему хаосу и смерти. И потому человек, оказывается, больше боится хаоса и смерти, чем хочет вернуться в общение с Богом. Испуг, борьба за собственное существование оказывается первичной и главной реальностью, которая поглощает всё остальное, и человек остаётся наглухо замкнут и закрыт в себе, в чём и состоит, на глубине, грехопадение. Но без риска и даже опасности для этого, падшего мира невозможно прорваться к миру новому, преображённому.

С течением исторического времени, однако, человек всё больше приходит к осознанию относительности закона, особенно это справедливо для народов христианской культуры. Но это крайне редко сопровождается следующим шагом – вхождением во вновь приоткрывшееся в Духе и Истине общение с Богом. Часто это означает, что человек лишь довольствуется относительностью закона, поскольку на вершинах цивилизации уже во многом проходит страх и происходит индивидуализация закона. Родовые внушения закона уже вжились в человека на уровне его инстинктов. Действует закон и на более утончённом уровне очень развитой соци-

ализированной культуры. Но закон как доминирующая сила, как основная парадигма мышления, остаётся и здесь в человеке. Человек не вырывается из плена добра и зла, правильного и неправильного даже когда ставит их под вопрос, даже когда хочет испытать злое и неправильное. Единственный же выход здесь – в восхождении к тому, что породило закон, в возвращении к духовному общению в любви, изнутри которого свобода непрестанно действует и определяется как свобода творчества в общении. Для этого и нужно пробуждение духа в человеке, как и его логосного начала. Закон существует и действует в человеке постольку, поскольку он в падшем мире ещё лишь отчасти проникает в общение с Богом, лишь отчасти прорывается к преображённому миру, в котором есть только общение в любви. Творческое общение и есть "исполнение" закона. Доброе, хорошее, правильное, должное и есть, в конечном счёте, само это общение, его сокровенная реальность, в которой все эти внешние категории закона оказываются не нужны, ибо претворяются в само живое и непосредственное чувство общения, видение Другого и любовь к Нему.

Ценности и совесть

В своём отношении к общению и к миру, в творческом акте и во всяком действии, внутреннем и внешнем, человек всегда совершает творчество ценностей, то есть оценивает, даёт оценку, определяет качество, выявляет смысл. Ценности проливают свет на всё существующее, и творчество ценностей есть качество общения и качество восприятия другого. Это не оценивание в дурном, эгоистическом смысле, хотя ценности могут вырождаться и до такого уровня. Высшие ценности имеют духовное происхождение, они исходят из экзистенциальных глубин общения и творчества, из активности духа и логоса человека. И поэтому ценности определяют работу сознания. Ценности стремятся к застыванию и статичности, но в действительности всякая ценность есть непосредственное оценивание, которое совершается либо творчески и свободно, либо в соответствии с данным и затвердевшим принципом и моральной нормой. Процесс оценивания и есть то, что называют деятельностью совести. В определении совести есть акцент совместности, она рождается и возникает из общения, поскольку всякое оценивание, т.е. полагание ценности, есть творческий акт, совершающийся всегда внутри общения. Но ценности, как и совесть в целом, имеет тенденцию в падшем мире к объективации и социализации. Совесть социализируется, и по-

этому ценности перестают пониматься динамически, но воспринимаются как статичная, раз и навсегда данная догма. В социализированной совести как бы теряется память о том, что ценность изначально совершается в общении как творческий акт, что она не просто внешне налагается, как общий принцип, на каждую конкретную ситуацию, но и творится в ней. Пробуждение экзистенциальных глубин совести означает свободный, творческий акт оценивания, совершающийся в глубине общения человека с Богом. Поэтому совесть часто и воспринимают как голос Божий в человеке, как пророческий голос.

В глубочайшем смысле невозможно в один ряд поставить ценности, с одной стороны, свободы, добра, красоты, любви, истины, и Бога и человека – с другой. Против того, чтобы считать Бога одной из ценностей в ряду других, справедливо восстаёт человеческая совесть⁴³, то есть то самое первоначальное, что и производит ценности. Добро, красота, любовь, истина – это абстрактные и производные ценности, они уже плод рефлексии, и они производны от Бога и от человека как первичных реальностей, как духовных субъектов. В дей-

⁴³ М. Хайдеггер писал об этом довольно резко: "Самый жестокий удар по Богу заключается не в том, что мы считаем Его недоступным познанию, не в том, что доказывается недоказуемость Его существования, но в том, что, принятый за действительно существующего, Бог становится высшей ценностью. И этот удар был нанесен не теми, кто не верит в Бога, но верующими и их богословами" (Хайдеггер М. Слова Ницше "Бог мёртв").

ствительности есть только ценность Бога и ценность человека, причём это не ценность абстрактного Бога, но конкретного, живого Бога, как и не ценность абстрактного человека, но конкретного и живого человека. Более того, обобщённо можно сказать, что существует только ценность конкретного субъекта, живого существа, живого не просто в биологическом, а в духовном смысле. Но открывающаяся взору глубина Бога и глубина человека, как великая драгоценность, начинают играть многими гранями, качествами, которые ограниченный разум пытается назвать, определить, обозначить слабыми словами, которых всегда не хватает, и которые так далеки от той реальности, которую они описывают. Но в историческом опыте человека эти понятия объективируются как отдельные ценности, то есть они могут отчуждаться от своего источника, становиться самодовлеющими и самодостаточными в сознании людей, и принимать все те привнесения и искажения, которые неизбежны для всех абстрактных объективированных понятий и идей. Более всего трагично то, что ценности, первоначально увиденные в глубинах Бога и человека, становятся средством порабощения человека. Так развиваются все идеологии, безумные идеи, ереси, которые означают потерю целостности, разорванность, дискретность ценностей, их объективацию, отчуждение. Человеку легче быть порабощённым своей в дурном смысле субъективной идеей свободы, ограниченной собственной замкнутостью, чем выдержать подлинную свободу в общении

с Богом и человеком, которая всегда означает выход из своей замкнутости, трансцендирование. Все подлинные ценности взаимосвязаны, целостны, поскольку исходят, или, вернее, обнаруживаются человеческим сердцем и сознанием в одном, едином, целостном субъекте – в Боге, причём обнаруживаются именно как творческие акты богочеловеческого общения. Поэтому целостная реализация ценностей в падшем, объективированном мире, то есть воплощение божественных качеств в человеческой жизни, неизбежно наталкивается на трагические противоречия, что свидетельствует о недолжном, испорченном состоянии мира. Часто противоречат друг другу ценность любви и ценность свободы: ради любви требуется жертва свободой, и ради свободы требуется жертва любовью. Даже ценность любви внутри себя противоречива, что особенно ярко в истории с жертвоприношением Авраама, когда ему пришлось выбирать между любовью к сыну и любовью к Богу. В противоречии могут сталкиваться истина и свобода, красота и добро, любовь и истина. Все эти противоречия снимаются, преодолеваются только в их источнике, только в живом и непосредственном общении с Богом и с человеком. Поэтому и необходимо динамическое творчество ценностей изнутри этого общения – ценностей всегда новых, которые творчески прозреваются и создаются в общении. Можно сказать, что вообще не бывает раз и навсегда данных ценностей – таковы только охлаждённые, застывшие ценности, которые актуальны только в

памяти, только в прошлом разорванного времени, и потому в известном смысле иллюзорны. Существуют только здесь и сейчас творимые ценности, заново прозреваемые и создаваемые как творческий акт общения. Но творчество ценностей может быть и пассивным, то есть может быть отказ от самого творчества, а значит и от общения, и предпочтение застывших, в прошлом сотворённых ценностей, которые абсолютизируются и внешним образом переносятся в каждую конкретную ситуацию настоящего. Это и есть рабство у объективированных ценностей, которые часто приводили человека ко многим самым страшным преступлениям и грехам. Глубинная, живая, пробудившаяся совесть человека должна была бы протестовать против этого. Но совесть часто отчуждена от трансцендентального человека и целиком обусловлена теми же объективированными ценностями. Трагичнее всего то, что рабство человека у этих ценностей как будто бы было необходимо на определённых этапах развития человека – и объективированные ценности, действительно, предпочтительнее хаосу стихии, отсутствия даже памяти о совершившихся творческих актах прошлого. В этом смысле прохождение через опыт объективированных ценностей равносильно опыту закона. Творчество ценностей в падшем мире проходит через судьбу всякого творческого акта в нём: будучи прорывом и проблеском света, он объективируется условиями этого мира, отчуждается от своего источника, но всё же может быть воспринимаем как символ первоначального

творческого акта. Но в рабстве ценностям нет необходимости, против этого восстаёт экзистенциальная совесть. Никакого, даже самого падшего человека, нельзя обречь, даже только лишь мысленно, на рабство и рабское существование, ибо в таком случае ценность низшая, производная (например, своеобразно понятая любовь или порядок) будет ставиться выше ценности высшей – конкретного человека. Рабство у ценностей – это есть следствие отступления самого человека от своего великого призвания к непрестанному творчеству ценностей. Более того, рабство у объективированных ценностей – это первичное, изначальное рабство человека. И с преодоления этого рабства начинается возрождение и преображение человека, пробуждение его экзистенциальной совести. Ибо на глубине всякий творческий акт подразумевает творчество ценностей, и именно в творчестве ценностей заключается сама первичная реальность общения с Богом и с человеком – общения видящего, прозревающего, улавливающего, различающего, осмысляющего.

Порядок и хаос (аполлоническое и дионисийское начало)

Человек стоит перед множественностью мира – перед множественностью как дурной, так и доброй. Противоречие между качеством и количеством, между изобилием и хаосом, не устранимо в пределах падшего мира. Существует постоянный антагонизм между свободой и порядком. Более того, это проблема не внешняя для человека, это его глубоко внутренняя проблема, связанная с призванием человека, с отношением к Богу. Человеку дана свобода творчества, и он ответственен за все последствия своего творчества. Отказ от свободы творчества может означать творчество закона, предопределённости, детерминированности. Закон же, как безличная сила, может породить как сложную множественность, так и хаос. Мы видим, что запущенный механизм мироздания произвёл всю кажущуюся бесконечной множественность мира, и всё его развитие стало выражением диалектики хаоса и порядка, случайности и закономерности. И это в действительности есть реальности падшего, объективированного мира – хаос и порядок. Печать падшести есть как в одном, так и в другом, хотя у человека был и остаётся большой соблазн признать за порядком высшее божественное качество. Порядок и хаос есть такие же

реальности падшего мира, как добро и зло, и в них так же чрезвычайно легко запутаться, принять одно за другое. В человеке наравне со страстью к хаосу живёт глубоко заложенная страсть к порядку и упорядочиванию, как и к борьбе со злом, и эта страсть склонна так же вырождаться, как и всякое законничество, приводить к хаосу, то есть служить тому, против чего она борется. Проблема в том, что страсть к отвлечённому порядку, как и страсть к отвлечённому добру, вызвана по большей части страхом, испугом перед хаосом, то есть определяется негативно. импульсивно, эгоистично и не свободно. Всякая определённая злом, даже ведущая к добру, чрезвычайно относительна и слаба. Любовь к Богу и человеку должна быть выше всякого страха перед злом, то есть выше добра. Так же и жажда творчества с Богом должна быть выше всякого страха перед хаосом, то есть выше порядка. То, что вырождается, объективируется в диалектику хаоса и порядка – это творчество в свободе.

Творчество всегда укоренено в свободе, которую можно воспринять как хаос. В действительности укоренённость свободы в небытии, в совершенном хаосе, в том, что ещё не проявлено и не определено, есть само существо свободы. Человека более всего пугает падший хаос как масса отчуждённых и разорванных энергий, лишённых духа, истины, укоренённости в субъекте. Поэтому падший хаос – это в действительности отсутствие свободы. Но и порядок тоже мо-

жет означать, и часто означает, отсутствие свободы. Упорядоченность падших, отчуждённых от человека космических энергий, приведение их в сообразную законность, в причинно-следственные отношения, не возвращает их к своему источнику, не укореняет их в человеке. Падшие энергии, даже будучи упорядоченными, остаются отчуждёнными, внешними, объективированными. Человек, заключенный со всех сторон законами природными и социальными, закрепощённый в рабстве у мира, часто интуитивно стремится к свободе и освобождению, и это может выражаться в стремлении к хаосу. Но хаосом это может представляться лишь для внешнего взгляда, а изнутри человека это есть лишь попытка определять себя через энергии, укоренённые в себе, а не вовне. Таков бунт романтический и дионисийский. В этом бунте есть правда, связанная с жадой освобождения, с презрением к объективированному порядку, но нет ещё света подлинного овобождения, нет прорыва к духу и истине.

Другая сторона творчества – это акт определённости, выражения, воплощения, объективирующийся как порядок. В падшем мире сама объективация – это и есть упорядочение. В нём вообще невозможно подлинное выражение и воплощение творчества, но возможна его символизация, которая и выражается в порядке, гармонии. Только лишь отчасти и условно порядок, гармония могут свидетельствовать о совершившемся творческом акте. Всякий порядок стре-

мится к статичности, к застылости, охлаждению, в то время как творчество стремится к динамике, к горению огня. Самое же главное, что творчество укоренено в субъекте и только им определяется, в то время как порядок – всегда внешний, объектный, отчуждённый. Внутри себя человек не находит порядка, внутри себя он находит бездонную свободу и творчество, и только лишь путём порабощения он может прельщаться порядком, то есть таким образом зависеть от внешнего объектного мира. Но человек не может жить в падшем мире без порядка, в нём и через него является и всякий творческий акт. Можно воспринять порядок как конечное воплощение творчества, как рай на земле, или как достойную замену раю, можно саму надежду спасения возложить на порядок, можно в конечных упорядоченных формах видеть единственное средство существования и даже общения. Сознание порядка даёт человеку чувство счастья, надёжности, безопасности, довольства. Таков классицистический, апполонический соблазн. В действительности всякий порядок есть временное и условное состояние падшего мира, отзвук рая, которым может пленяться человек в отказе от божественного призвания к непрестанному творчеству в свободе. Стремление к порядку может так же свидетельствовать о недостатке света духа и истины, как и стремление к хаосу. Стремление к порядку оправдано только тогда, когда оно сознаётся в своей относительности и условности, руководствуется стремлением к символизации духовного творче-

ства и принятием ответственности человека за этот мир.

Человек призван устроить жизнь мира, и именно человек – сотворец мира. Упорядочение динамических и много-
составных явлений выражается в их организации, причём в
тех случаях, где человек не проявляет или не видит личной
активности в организации, он видит организм, а в осталь-
ных случаях, которые он сам производит – организацию. Са-
мое существенное – это устройство жизни различных челове-
ческих сообществ, которые человек может воспринимать и
как организм, и как организацию. Причём видение организ-
ма может означать снятие с себя ответственности, порабо-
щённость объективному, причинно-следственному ходу ве-
щей, внешнему закону, а видение организации может свиде-
тельствовать о нечувствии тайны человека и общения людей,
о поверхностном и объективированном отношении. В дей-
ствительности же всякое отношение к миру, более активное
или более пассивное, должно было бы вернуться к своему
источнику – в пространство общения с Богом и с человеком,
и определяться изнутри этого источника. Есть незримая эк-
зистенциальная реальность общения, общности, любви, сво-
боды, которая и должна была бы определять всякую актив-
ность человека в этом мире. Но её незримость, необъективи-
рованность, скрытость для человека и приводит к многочис-
ленным ошибкам в своих действиях и отношениях. Всякое
сообщество людей может быть организовано внешне как со-

общество объектов, и такая организация будет тюрьмой, порабощением, целиком пронизанной ложью, неправдой, которая будет непрестанно причинять страдания. К такой объективированной организации склонны все государства. Но возможно движение к организации жизни субъектов, за каждым из которых утверждается собственная экзистенциальная реальность. Всякий человек в сообществе людей связан многими нитями общения с другими людьми, и, самое главное, с Богом, и эти нити и составляют самую подлинную, глубочайшую реальность существования человека, его общения и творчества, но эта реальность не объективируется внешне, а значит, никогда не считаются в полной мере даже самым проникновенным организатором. Жизнь человека состоит из прикровенных тайн, определяющих всё, но недоступных в полной мере никому. В этом трудность и потенциальная фатальность всякой организации человеческих сообществ. Даже самое упорное стремление к необъективированной, субъективной организации не может вполне достигнуть своей цели в рамках падшего мира. Конкретный человек открывается другому в личном общении лишь отчасти, и тем более никакой организатор, старший в сообществе, или несколько таких организаторов, не могут в адекватной мере воспринять глубинную жизнь нескольких людей, множества людей, чтобы можно было адекватно организовать их жизнь. Человек склонен искать внешние критерии, то есть объективировать, и он всегда в них так или иначе ошибается, не вы-

являя глубинную правду. Поэтому всякая организация всегда склонна к объективации, к оцениванию людей как объектов, к поверхностному устройству, и преодолеть эту тенденцию можно лишь с большим трудом и только лишь отчасти. Но это преодоление объективации, тем не менее, всегда оправдано и абсолютно необходимо, и здесь большую роль играет не только то, что можно непосредственно знать и открывать в конкретном человеке, но и то, что можно предполагать в нём, знать о нём. Такова свобода человека и божественный элемент в нём – это именно то, что невозможно отрицать во всяком человеке, и всякая организация жизни людей должна предполагать и учитывать существование по крайней мере этих тайн в любом конкретном человеке – тайны его свободы и тайны его божественности.

В конечном счёте, всякая организация, как и всякое упорядочение, есть лишь создание более или менее благоприятных условий в этом объективированном мире для общения, которое всегда совершается в свободе и из свободы. Внешние условия, жизненная среда падшего мира может быть более или менее благоприятной для раскрытия общения и творчества, но никогда не могут приводить к ним непосредственно. Более того, соотношение этих внешних условий с общением и творчеством часто неуловимо, рационально не обусловлено. Это значит, что всё должно и начинаться из духа и истины, и приводить к духу и истине, даже если на пути

будет необходимо пройти через объективацию. Всякая организация, как и всякое упорядочение, есть лишь условный и относительный этап на пути достижения соборного общения в свободе, любви и творчестве. Но если это этап на пути к высшей цели, в котором возможны как великие падения, так и великие приобретения для вечности, то организация жизни людей предполагает и внутренний творческий акт, и его воплощение в падшем мире связано с искусностью, мастерством, и здесь возможно богочеловеческое действие, а значит, и соответствующий Божий дар человеку. Непонимание этого и приводит к профанации социальной организации, к низведению её до самых примитивных уровней объективации с ложными целями и задачами. Но возможен подлинный творческий акт, совершающийся из общения с Богом и с людьми, в котором открывается перспектива свободного общения, творчества и любви всех людей в преображённом мире вопреки всей эмпирически наблюдаемой вражде и отчуждённости, и эта открывающаяся перспектива приводит к попыткам воплощения этого творческого акта в падшем мире, то есть к организации жизни людей на началах любви и свободы, – попыткам более или менее удачным и плодотворным. Как и со всяким воплощением творческого акта в падшем мире, здесь встречаются все те же трудности, и неизбежны неудачи, связанные с объективацией, но возможны и прорывы, и приобретения, имеющие вечное значение и устрояющие, созидающие, подготовляющие Царство Небес-

ное. В этом смысл собирания и созидания Церкви в широком и глубочайшем смысле.

Человек как микрокосм

Как уже говорилось, так называемый объективный мир есть лишь отчуждённые, выброшенные вовне космические энергии, некогда возникшие из пространства общения Бога и человека. Их внешняя объективность есть лишь следствие, знак того, что он отчуждены от своего источника в субъекте. Но всякое восприятие мира есть всегда соотнесение его с собой: для меня нет мира вне того, что мне представляется моими органами чувств, и для меня мир – это только феномены моего сознания. Поэтому человек никогда не может воспринимать мир непосредственно, но он в своём сознании строит свой микрокосм, своего рода модель этого мира. Этот микрокосм у каждого человека индивидуален, но он имеет общие черты с микрокосмами других людей, то есть он подвергается социальным влияниям. Всякий микрокосм при этом воспринимается целостно сознанием человека в эмоциях и в мышлении, и он непрестанно обновляется, создается, в зависимости от опыта и впечатлений человека. Синтезирующая работа сознания может воспринимать внешний мир, как того часто требуют массивные социальные внушения, исключительно объективированно. Это значит, что внешняя отчуждённость мира становится самодовлеющим и несомненным фактом сознания. Иными словами, я не только имею опыт столкновения с отчуждёнными энерги-

ями мира, но я и осмысливаю их как в известном смысле правильные, должные, непоколебимые в таком их качестве, то есть таким образом, что их отчуждённость должна для меня сохраниться. Это и есть рабство сознания. Но возможна интериоризация отчуждённых энергий, то есть преодоление их объектности и включение в собственную субъектность. Это значит, что все энергии мира я могу восстановить в их источнике и взаимосвязи, преодолеть их отчуждённость, вернуть их собственному началу в общении и творчестве. Так падший микрокосм творческим усилием может становится микрокосмом спасённым, преображённым. И только те энергии в мире, которые будут интериоризированы, возвращены своему источнику в общении, и наследуют Царство Небесное, войдут в преображённый мир, который в действительности уже присутствует и создается в каждом личностном микрокосме. Но интериоризация всякой падшей энергии есть плод особого духовного усилия, и она совершается всегда творческим актом как действие преображения мира. Человек призван весь мир включить в себя, отнести к собственной глубине и воспринять как свой, относящийся к своему экзистенциальному центру. Но без творческого акта, вне общения с Богом это может привести и к порабощению, к утверждению отчуждённости. Творческий же акт предполагает горение духа и усилие логоса человека, он требует различения добра и зла, постижения сущности, очищения и преображения. Интериоризации подлежит всё в мире, вся история че-

ловечества, вся культура, всё искусство, вся живая и неживая природа. Интериоризация совершается соборно и коммюнитарно, и в этом смысл истории и призвание человека в этом мире. Все за всех ответственны, и никто не может быть ни к кому и ни к чему равнодушен. Совместными усилиями человечество спасает мир, созидает преображённый мир, Царство Небесное. И интериоризация по самой своей сути предполагает богочеловеческое действие, и всякий подлинный акт интериоризации внутри человека означает и соответствующую интериоризацию внутри Бога. Весь мир становится микрокосмом личности, и это значит, что он возвращается в пространство общения Бога и человека. Это значит, что творчество личностного микрокосма, интериоризация мира означает не просто действие индивидуальной субъективности, но это есть подлинно универсальное творчество, не отчуждённое ни от Бога, ни от всякого человека, но предназначенное для вечности и актуальное для всего соборного человечества. Один из важнейших выводов из этого заключается в том, что таким образом, внутри личностного микрокосма возможно спасение всякого человека. Даже самый последний человек, поработощённый миром, враждебный Богу и людям, так и не родившийся свыше и не пробудившийся, может быть спасён внутри личностного микрокосма другого человека силой его любви⁴⁴. Поэтому открытие микро-

⁴⁴ В этом смысл евангельских слов: "Спешите приобретать себе друзей на счет лукавой маммоны, чтобы после, когда она от вас уйдет, они бы приняли вас в

косма и возможности творческой интериоризации падшего мира есть источник величайшей надежды, ибо это прямой путь к спасению мира, ко всеобщему спасению, и в микрокосме личности Откровение Царства Небесного совмещается с творческой активностью человека, с его собственной глубиной и подлинной субъективностью, и здесь преодолевается разделение между внутренним и внешним, преодолевается объективация.

Преодолеваются и самые "объективные" порождения объективации: трёхмерное пространство и время. Теория большого взрыва ассоциируется с фактом грехопадения, с "падением" космоса в пучину пространства, времени, необходимости. Время и пространство – факторы, порождающие друг друга. Объект заключен в пространстве и ограничен им, отсюда его связанность со временем. Объект отчужден, оторван от всего окружающего. Замкнутость, закрытость объекта в себе порождает пространство, а значит и время. Мир складывается во времени, постепенно, и для этого в нём господствуют законы, которые самым непосредственным образом связаны со временем и пространством. Вне пространства и времени нет и не может быть законов. Эволюция, развитие (космоса, живого мира, человека) может совершаться только времени. Эволюция, сложение Вселенной и человека есть результат объективации. В материальной Вселенной

дух объективируется. Всё в материальной Вселенной является продуктом, отражением, охлаждением духовной сущности, и поэтому это всё отсылает к событию духовного мира, то есть символизирует что-то в нём. Эволюционный процесс развития живого мира и человека есть процесс объективации духа, это есть как бы распятость временем и пространством. Поэтому возможно очищенное познание как познание в приобщении экзистенциальному источнику всего. Даже, например, простое дерево⁴⁵ может быть воспринято как субъект, а не объект, и его познание – в приобщении к нему как к акту творческого общения. Мир духовный, истинно существующий, изначальный, невидим сейчас нашим глазом – он вообще не состоит из времени и пространства, которые есть его объективация, выброшенность вовне. Разворачивание истории Вселенной во времени и пространстве есть процесс объективации духовного мира. В этом смысле не Бог сотворил этот мир, а человек "сотворил" всю видимую Вселенную. Его "творением" её можно назвать условно: он стал причиной её падения, её объективации, и в этом смысле её творцом, хотя он и не творил её "из ничего", разве что в том

⁴⁵ Здесь и далее использую в качестве примера деревья, поскольку их субъектность менее очевидна, чем у животных, но, тем не менее, нередко предчувствовалась человеком. Так, деревья занимают особое положение в творчестве Дж. Толкина, который писал о них так: "Я (со всей очевидностью) влюблен в растения, и более всего – в деревья, и всегда был влюблен; и когда люди дурно с ними обращаются, мне это так же трудно вынести, как некоторым – жестокое обращение с животными" (письмо в издательство "Хоутон-Миффлин")

смысле, что его свобода стала причиной её падения. Объективация связана с отчуждением, поэтому смерть и страдание входят в закон этого мира.

Но человеку почти невозможно представить жизни совсем без пространства и времени. Разве невозможно исцеление пространства и исцеление времени? Возможно, но это экзистенциальное, преобразенное время и экзистенциальное, преобразенное пространство. Ведь и само объективированное пространство и время на самом деле есть символ, объективация, искажение первореальности пространства и времени, вечности. Это понять и объяснить рационально невозможно, но возможно почувствовать экзистенциально. В вечности не человек подчиняется пространству и времени, но пространство и время подчиняются человеку, становятся отражением его подлинного существования. В необъективированной реальности субъект не замкнут в себе, не ограничен внешними границами, а, значит, пространственно, в наших категориях мысли, может находиться везде одновременно. Это значит, что для него и время осуществляется совершенно особым образом. Если снова говорить нашими категориями мысли, то он может перемещаться во времени свободно: в прошлое и в будущее, из-за чего стирается сама разница между ними, их соотнесённость как начальное и конечное. И это справедливо для всего существующего, для всех субъектов. Каждое место в пространстве, каждое мгновение

во времени – достигается свободно и непосредственно, и везде это "здесь и сейчас" для всех. Субъект может быть как бы везде и со всеми одновременно, но при этом везде полноценно. Это сродни Богу. Появляется потенциальная многомерность всякого субъекта. Но где и как быть – целиком зависит от свободы субъекта. Отличие от Бога здесь, как представляется, в некоей естественной ограниченности, в смысле невозможности для человека полной экзистенциальной всеобъятности. При этом невозможно воспринимать преображенный мир статично, вечность как неизменность и неизменяемость. Наоборот, для него актуальна скорее непрерывная динамика, движение, устремлённость. Это не вынужденное движение, не вечное колесо, а свободное, непредсказуемое движение творчества, общения и любви. Эта динамика целиком зависит от свободы субъекта.

Бесконечная множественность феноменального мира не экзистенциальна. Объект порождает пространство, пространство порождает время, время порождает смерть, смерть порождает множественность. Объект начинает распадаться, дробиться, то есть теряет свою прежнюю субъектность, как бы поглощается временем и пространством. Мир утопает в бесконечной множественности, которая не экзистенциальна. Бесконечные пустые пространства Вселенной, бесконечные роды растений и животных – всё это не имеет экзистенциального значения, всё это необходимо предпола-

гает пустоту и смерть, эти спутники объективации. Человек призван спасти мир, снова вобрать в себя, интериоризировать мир, начиная с себя. Это возможно только через трансцендирование, то есть через прорыв к изначальной субъектности всего во Вселенной. В объективированном мире образовалась, к примеру, бесконечность деревьев, но человек в своей субъективности, в своём микрокосме может снова вернуть субъектность, конкретное существование, тем конкретным деревьям, к которым он может трансцендировать, то есть каким-то образом экзистенциально приобщаться. Так образуется микрокосм личности – не условный, а реальный. Любовь, общение, подлинная привязанность человека к другому субъекту (пусть даже это будет простое дерево) имеет экзистенциальное значение – это есть прорыв к той внутренней субъектности, которая не зря была сотворена. Бог и человек творят субъекты, а не объекты, не вещи, но субъекты разного рода, уровня, качества. Поэтому похожим образом, как с деревьями, но на другом уровне и на иной глубине человек приходит к общению с другим человеком. Всё живое так или иначе субъектно, но человек – субъект особого рода, он есть действительный микрокосм, образ Божий. Приобщение к необъективированному миру есть всегда одновременно и приобщение к Богу, творческое общение с Ним. Приобщение осуществляется в вечности, поэтому для него не актуальны ограничения пространства, времени, последовательности. Приобщение к подлинному миру, как и всякое обще-

ние, возможно только в Боге и через Бога.

Наконец, важнейшее качество вечности – свободное творчество "из ничего", непрестанное созидание нового необъективированного, духовного мира. Это творчество и есть само содержание мира вечности, как и общение всего и всех в Боге. Вечность предполагает принципиальное изменение, расширение сознания. Сознание объективирующее многими нитями связано, ограничено пространством, временем, конечностью, целепологанием, и вообще некоей общей линейностью. Мышление о вечном неизбежно вызывает в сознании образы, схемы объективированного мира, поэтому такое мышление может разочаровывать, искажать, налагая схемы конечного на бесконечное. Мыслимый образ вечности неизбежно воспринимается с большими искажениями, и имеет смысл лишь вчувствоваться, вдумываться в отдельные её аспекты, ни в коем случае не претендуя на хоть сколько-нибудь целостный, законченный образ. Мир вечности можно только экзистенциально пережить, и мы можем мыслить о нём лишь символами, образами, отсылающими к непосредственному экзистенциальному опыту, то есть "как бы сквозь тусклое стекло, гадательно". Тем не менее, это вдумывание, как и вчувствование, познание и постижение возможно ещё в этом мире, разве что оно не будет претендовать на большее, чем ограниченное и во многом неполное предчувствие.

Вместо послесловия. Антропология Иисуса Христа

Вопрос о личности Христа, о Богочеловеке – один из самых сложных, антиномичных в своей основе, хотя и принципиально важных для разрешения. Неслиянность Бога и человека и при этом единство личности – всё это трудно разрешимо для разума. Фундаментален вопрос об экзистенциальном центре личности Христа. Если Христос – это иной, отличный от Бога экзистенциальный центр, то в таком случае получилось бы раздвоение в Боге. Но в Боге один экзистенциальный центр – Его мы и называем Богом-Отцом. Это значит, что экзистенциальный центр Христа – именно Сам Бог-Отец. Поэтому можно говорить, что Бога распяли, что Бог умер на кресте. Но как здесь не уйти в монофизитство, в чём тогда человеческая природа Христа? Тайна в том и состоит, что Бог приемлет человека внутрь Себя Самого. "Бог становится человеком" – это и значит, что человек становится Богом, сама человечность становится изнутри божественной. Логос Божий, рождаемый Отцом, есть непрерывный творческий акт Бога, именно через Логос происходит творение человека и мира. В самом Логосе есть божественная, вечная человечность, от которой и совершается творение человека как другого, иного для Бога. Именно поэтому и спасение человека совершается через Божий Логос – через него происходит новый акт творения. Вочеловечение Бога совершается предвечно в самом Логосе при сотворении человека, воплощение же совершается во времени и пространстве. Именно предвечная человечность Бога-Сына, Логоса,

делает возможным воплощение, то есть восприятие Им падшей человеческой природы. Бог стал человеком в вечности, но во времени и пространстве, то есть в объективированном, разорванном мире, это символизируется через Его зачатие, рождение, взросление во плоти. В воплощении Христа соединяется падшая человеческая природа и предвечная духовная человечность. В чём же выражается падшая человеческая природа во Христе? Прежде всего, в восприятии плоти, то есть тела и души, которые стали ступенями объективации трансцендентального, духовного человека. Тело и душа – это основные, самые мощные и конструирующие реальности жизни падшего человека. Именно плоть порождает падшее человеческое сознание со всеми его ограничениями. Именно изнутри этого сознания, которое всегда означает ту или иную меру отчуждения от высшей сферы духа, Христос мог ощутить собственную богооставленность, и именно в глубине этого сознания он мог испытывать муки искушений, муки выбора высшей Воли Божией. Прорваться к духовной реальности через отчуждённую сферу падшей человеческой плоти, через все ступени объективации, было не только не просто, но и фактически в полной мере невозможно никому, кроме Самого Христа, Который и проложил путь одухотворения и просвещения плоти. Это значит, что сознание раскрывается к экзистенциальному центру человека, эмоции раскрываются к духу человека, а мышление раскрывается к его логосу. Во Христе же сознание раскрылось

к Отцу ("не моя воля, но твоя да будет"), эмоции раскрылись к пространству Духа, которое и есть пространство общения и единения, Первожизни, а мышление раскрылось к Логосу, стало живительным творческим словом и делом. Во Христе действует всецелый Бог, "вся полнота Божества". Дух Христов – это не какой-то отдельный дух, а Сам Дух Божий. Значит ли это, что во Христе не было человеческого духа? В духе подобное разграничение теряет силу и смысл, в духе всё соединяется, а не разъединяется, ибо Дух – это и есть пространство полноты общения и взаимопроникновения. Важен тот экзистенциальный центр, из которого исходит дух – и для Христа этим центром является Отец: "видевший Меня видел Отца". Христос не мог воспринять чужой экзистенциальный центр, ибо это было нарушением глубочайшей свободы человека, растворением человека в Боге, как и не мог создать какой-то альтернативный экзистенциальный центр, ибо тогда Он перестал бы быть Богом, что само по себе абсурдно. Важнее всего то, что во Христе сама человечность, прошедшая через опыт падения, возносится в глубины Божества. Вечная духовная, небесная человечность Бога-Сына полагает путь вечного единства, общения и сотворчества Бога и его "другого", человека, в любви и свободе ("Я есть путь, и истина, и жизнь"). В каждом духовно просветлённом человеке Христос, Бог-Сын обращается к Отцу, и в каждом же таком человеке Отец видит Сына, но не только Сына, но и бесконечно "другого". Во Христе Бог таинственно рождает-

ся в человеке, чтобы человек родился в Боге. Но можно сказать и наоборот: во Христе человек таинственно рождается в Боге, чтобы Бог родился в человеке.